

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Соч. К. Н. Ярошъ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1890.

ИМПЕРАТОРЪ

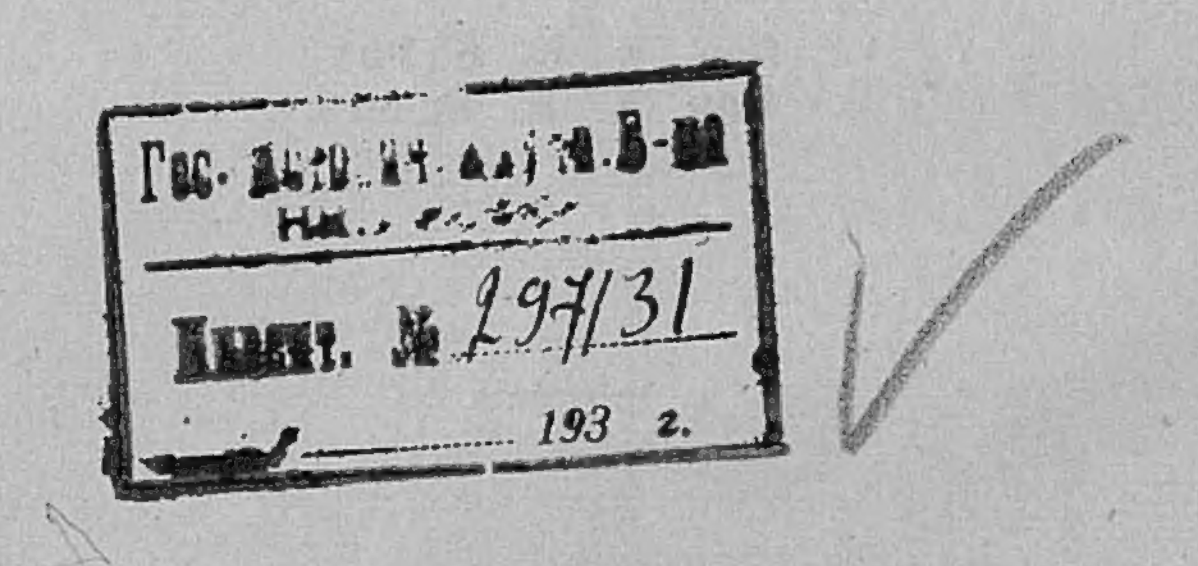
НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Соч. К. Н. Ярошъ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1890.

Дозволено цензурою. 22 января 1890 г. С.-Петербургъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Личныя свойства императора.

I.

Жизнь всякаго человѣка есть выраженіе его характера. Каждое слово наше и каждый шагъ выражаютъ, болѣе или менѣе, съ той или иной стороны, нашу внутреннюю сущность. Но бываютъ моменты, когда эта внутренняя человѣческая сущность выступаетъ особенно рельефно и ярко. Въ подобныхъ случаяхъ, окружающія человѣка лица замѣчаютъ: «Боже, какъ узнаёмъ мы его въ этомъ дѣйствіи!» или «какъ характеризуетъ его этотъ поступокъ!»

Сказанное о жизни отдѣльнаго человѣка примѣнимо и къ жизни народовъ. Здѣсь также мы имѣемъ дѣло съ безконечной вереницей проявленій національнаго характера. Исторія народа есть постепенное раскрытіе его внутреннихъ силъ, способностей и свойствъ. Но эпохи этой исторіи не всѣ одинаково выразительны: иныя изъ нихъ являютъ моральную сущность народа въ полутѣняхъ и полу-

тонахъ, и только иногда облака поднимаются, туманъ разсѣявается—и предъ нами, въ свѣтѣ яркаго дня, выступаютъ отчетливо черты духовной національной физіономіи. Мы полагаемъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что къ числу такихъ моментовъ отечественной исторіи, во многихъ отношеніяхъ, должно отнести и тридцатилѣтіе, занятое царствованіемъ Николая I-го.

Въ ноябрѣ 1825 года скончался императоръ Александръ. Николай Павловичъ зналъ, что актъ отреченія отъ престола цесаревича Константина положенъ покойнымъ императоромъ на храненіе въ высшія государственныя учрежденія, но, тѣмъ не менѣе, онъ немедленно принесъ вѣрноподданническую присягу старшему брату. Онъ принялъ такое рѣшеніе,—по собственнымъ словамъ,—«въ чистотѣ совѣсти, предъ Богомъ, читающимъ въ глубинѣ сердецъ». Онъ не спѣшилъ вступить въ права высокаго наслѣдства; вѣрный основному государственному закону о престолонаслѣдіи, онъ не хотѣлъ воспользоваться отреченіемъ цесаревича, полагая, что это отреченіе могло быть, или не вполнѣ обдуманнымъ, или не вполнѣ добровольнымъ. Нужны были категорическія и настойчивыя подтвержденія со стороны неизмѣннаго въ разъ сказанномъ словѣ великаго князя Константина, чтобы Николай Павловичъ согласился наконецъ взойти на престолъ. Этотъ первый шагъ молодаго императора нашелъ справедливую оцѣнку въ исторіи. Но, позволяемъ себѣ думать, что истинное величіе этого поступка заклю-

чается не столько въ томъ, что онъ явилъ собою «назидательное зрѣлище величайшей законности, умѣренности желаній, великодушія и высокой деликатности чувствъ (ср. Schnitzler, Histoire intime de la Russie)», сколько въ томъ, что онъ далъ неоспоримое доказательство общности личныхъ взглядовъ государя съ народнымъ понятіемъ о сущности верховной власти. Здѣсь добродѣтель частнаго человѣка тонетъ въ величіи яркаго выразителя національныхъ идеаловъ.

Верховная власть, по русскому воззрѣнію, есть высшій пунктъ духовнаго единенія народа. Эта власть не есть лишь внѣшняя форма или оболочка, въ которую вносятъ все содержаніе, вмѣстѣ съ собою, смѣняющіяся личности монарховъ. Нѣтъ, вступая на наслѣдственный престолъ, верховные представители Россіи находятъ здѣсь уже опредѣленные историческіе, религіозные и этическіе элементы, которыми и проникаются въ большей или меньшей степени. Такимъ образомъ, русскій монархъ есть символъ цѣлостности духовной физіономіи страны, но символъ, отнюдь не похожій на пассивное и мертвенное знамя, вѣнчающее, напримѣръ, политическое зданіе Англіи; нашъ символъ активенъ, онъ живетъ и дѣйствуетъ индивидуальными силами и свойствами царствующаго въ каждое данное время лица. Такое сліяніе во едино общенародныхъ идей, задачъ и тенденцій съ индивидуальными особенностями лица не составляетъ непримиримаго противорѣчія. Ветхозавѣтные про-

роки были также осуществителями одного и тогоже Божьяго дѣла, но это не мѣшало имъ однакоже имѣть особенныя индивидуальныя духовныя физіономіи, и мы легко отличаемъ слово Іереміи отъ слова Исаіи.

Людовикъ XIV характеризовалъ свою власть изреченіемъ: «государство—это я»; русскій монархъ опредѣляетъ свою политическую сущность другимъ положеніемъ. Онъ говоритъ: «я—это вся Россія». Такой тэзисъ означаетъ, что, по русскимъ понятіямъ, не государство съуживается до личности государя, а личность царя, его помыслы, зоботы и чувствованія расширяются до предѣловъ государства. Русскій тронъ не есть простой пьедесталъ для личнаго величія монарха; онъ—высокій жертвенникъ, у котораго происходитъ священнодѣйствіе осуществленія стремленій народной жизни. Такимъ образомъ, въ понятіе власти входитъ основнымъ элементомъ идея служенія государству. Гдѣ власть считается лишь орудіемъ честолюбія и иныхъ эгоистическихъ интересовъ лица, обладающаго ею, тамъ не можетъ быть затрудненій въ выборѣ средствъ для достиженія вершины государства. Не обращаясь мыслью въ даль прошедшаго или въ глубь Востока, гдѣ ступени трона служили часто ареной кровавыхъ сценъ,—даже въ новой Европѣ находимъ не мало тяжелыхъ зрѣлищъ. То видимъ мы власть, захватываемую въ расплохъ, среди революціонныхъ народныхъ бѣдствій, то видимъ претендентовъ, идущихъ къ власти въ обозѣ армій непріятельскаго

нашествія; въ одномъ мѣстѣ власть достигается рядомъ обманныхъ обѣщаній, среди криковъ подкупленной прессы, въ другомъ—мы наблюдаемъ поразительную жадность, съ какою новый властитель выхватываетъ скипетръ изъ рукъ еще неохладѣвшаго трупа предшественника. Печальная картина!...

Совсѣмъ иное должно проистекать изъ взгляда на власть, какъ на высокую форму служенія странѣ. Исполненіе священнаго дѣла требуетъ чистыхъ рукъ и чистыхъ средствъ. Такое именно пониманіе роли монарха сообщаетъ величіе указанному выше образу дѣйствій Николая Павловича. Устранивъ всякую тѣнь сомнѣнія, утвердившись на почвѣ строгой законности, онъ не спѣшными, но твердыми шагами занялъ прародительское мѣсто. Началось достопамятное тридцатилѣтіе, все проникнутое идеей царственнаго «служенія Россіи».

«Прошли наши блаженные дни!» —сказалъ молодой императоръ своей супругѣ, когда пришло время переѣзжать изъ Аничкова дворца въ Зимній. Въ этомъ трогательномъ восклицаніи ясно звучитъ прощаніе съ прежней, мирной и уединенной жизнью, и сознаніе суровыхъ обязанностей новаго высокаго поприща. Такое сознаніе не осталось въ области платоническихъ намѣреній. Въ самый первый и тяжелый день своего царствованія, Николай Павловичъ сказалъ командирамъ гвардіи: «если буду императоромъ хотя одинъ часъ, то все-же покажу, что былъ того достоинъ». Въ послѣдній-же день, въ минуту предсмертнаго прощанія съ се-

мействомъ, онъ въ двухъ словахъ формулировалъ свое послѣднее наставленіе наслѣднику: «служи Россіи». Между этими двумя моментами лежала жизнь, прекрасно очерченная стихомъ Ростопчиной:

Онъ несъ на мощныхъ раменахъ
Крестъ честной службы государской.

Ни опасность, ни личные интересы, ни семейныя заботы не отвлекали царя отъ добросовѣстнаго несенія этой службы. Затрудненія Россіи всегда находили его бодрствующимъ, бѣдствія страны встрѣчали его на посту. Такъ, при первомъ извѣстіи о безчинствахъ мятежа военныхъ поселеній, онъ явился одинъ, съ своимъ смиряющимъ, мощнымъ словомъ, среди разнузданной толпы озвѣрѣлыхъ людей, пренебрегая опасностью, которая существовала, потому-что присутствовавшіе (напр. Панаевъ) слышали въ рядахъ поселенцевъ угрожающій ропотъ: «Полно, настоящій-ли это? Не переряженецъ-ли?...» Въ другой разъ, едва узнавъ о распространеніи холеры въ Москвѣ, онъ рѣшилъ тотчасъ же отправиться туда. «Вспомни,—говорила со слезами императрица,—у тебя есть дѣти». Но Николай Павловичъ отвѣтилъ: «Потому-то именно я и ѣду, что я отецъ: мои родныя дѣти остаются на попеченіи доброй и нѣжной матери, но тамъ, въ зараженной Москвѣ, триста тысячъ дѣтей моихъ ждутъ меня...» Оживляя въ памяти рядъ подобныхъ фактовъ, мы получаемъ возможность постигнуть высокую истину, заключающуюся въ словахъ завѣщанія императора: «я умираю съ пламенною лю-

бовью къ нашей славной Россіи, которой служилъ по крайнему моему разумѣнію вѣрой и правдой».

Николай Павловичъ былъ, какъ извѣстно, горячимъ защитникомъ строго-монархическаго принципа. Въ этомъ отношеніи онъ не допускалъ никакихъ уступокъ и компромиссовъ, подобно тому, какъ глубоко-религіозный человѣкъ скорѣе мирится съ полнымъ невѣдѣніемъ дикаря, чѣмъ съ сумракомъ, въ который пытается окутать религію слащавый сантиментализмъ, или съ ересью, въ которой человѣческій разумъ стремится исправить откровеніе. Но не было-ли въ этой стойкости императора чего-либо эгоистичнаго? Не защищалъ-ли онъ въ монархическомь режимѣ высоту своего положенія? Никоимъ образомъ нельзя допустить подобныхъ сомнѣній. Охраняя принципъ, онъ стоялъ на стражѣ пользъ страны. Его твердость въ этомъ дѣлѣ являлась лишь однимъ изъ проявленій его служенія Россіи. Несомнѣнность такого рѣшенія вопроса понятна даже иностранцамъ, одинъ изъ которыхъ (De Beaumont-Vassy, Empire russe, 1853 г.) говоритъ: «Ce serait singulièrement méconaître le caractère historique de l'empereur Nicolas, que de le juger étroit, au point de tout sacrifier à un intérêt personel ou dynastique, et l'erreur n'est pas possible, lorsqu'on l'a étudié avec quelque suite».

Дѣятельность человѣка, осуществляющаго личныя выгоды, всегда идетъ путемъ зигзаговъ: моменты колебанія, когда человѣку неловко и стѣснительно обращаться къ крутымъ мѣрамъ ради

удовлетворенія мелкихъ, своекорыстныхъ интересовъ, смѣняются взрывами свирѣпой страстности и конвульсіями мстительности, когда эгоистъ встрѣчаемыя на пути препятствія принимаетъ за личную обиду и оскорбленіе. Обращаясь къ дѣятельности императора Николая, мы видимъ въ ней неизмѣнную твердость и рѣшительность, но ни малѣйшихъ проявленій злобы или мести. Въ знаменитый день 14 декабря 1825 г., военный мятежъ встрѣтилъ передъ собою не трепещущаго за участь поставленной карты «претендента», въ родѣ Луи-Наполеона въ Булони или Стразбургѣ, а спокойную стойкость молодого монарха, сознающаго свое исторически-національное, государственное значеніе. Послѣ усмиренія волненій, Николай Павловичъ, съ пониманіемъ печальной политической необходимости, подписалъ безъ колебаній судебный приговоръ, которымъ назначалась ссылка многимъ членамъ знатныхъ фамилій. Но были-ли въ мѣрахъ правительства какія-нибудь проявленія запоздалой расправы или злопамятнаго мщенія? Напротивъ, императорскіе манифесты заботливо спѣшили предупредить даже опасенія чего-либо подобнаго. «Въ глазахъ нашихъ,—читаемъ въ одномъ изъ нихъ,—союзъ родства передаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки и преступленія...». Вслѣдъ за арестованіемъ Рылѣева, одного изъ главныхъ зачинщиковъ мятежа, императоръ и императрица дали денежное пособіе его семейству, о чемъ Рылѣевъ

писалъ къ своей женѣ: «Милосердіе государя и поступокъ его съ тобою потрясли мою душу».

Вспыхнувшее пять лѣтъ спустя возстаніе Польши было по-истинѣ перчаткой, брошенной Николаю Павловичу европейской революціей. Но императоръ поднялъ эту перчатку не съ злобой лично оскорбленнаго человѣка, а съ спокойной рѣшимостью представителя монархической Россіи, желающей сохранить въ своихъ предѣлахъ высокочтимый, стародавній режимъ. «Господа,—говорилъ Николай Павловичъ офицерамъ гвардіи, при началѣ польской кампаніи,—не увлекайтесь постыднымъ чувствомъ мщенія. Помните, что вамъ предстоитъ карать виновныхъ... но все-же они—братья». Въ манифестѣ-же объ окончаніи войны находимъ прежде всего благодарность войскамъ за проявленныя ими кротость и человѣколюбіе во время военныхъ дѣйствій. «Не грозою мщенія,—читаемъ здѣсь,—а примѣромъ вѣрности, великодушія и забвенія обидъ вы будете способствовать успѣху къ тѣснѣйшему, твердому соединенію сего края съ прочими областями Россіи».

II.

Сліяніе царской, величавой стойкости, энергіи и властности съ личною скромностью характеризуетъ всю дѣятельность Николая Павловича. Стоя во главѣ могущественнаго государства, владѣя сильною арміей, легко было-бы подпасть искушеніямъ

славолюбія и попытаться окружить себя ореоломъ завоевателя. Но заботы нашего государя въ военное время бывали иныя. Если арміи Наполеона I занимались исключительно добываніемъ лавровъ своему полководцу, то русскія войска николаевскаго царствованія служили только Россіи. «Для чего мнѣ завоеванія?—писалъ императоръ Дибичу. —Какія выгоды произошли-бы отъ того для нашей матушки Россіи, т. е. для губерній Ярославской, Московской, Владимірской и прочихъ». Въ другомъ письмѣ, послѣ удачъ турецкой войны, въ 1829 г., находимъ: «Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, отнесемъ все къ Богу и станемъ спокойнѣе, скромнѣе и великодушнѣе. Такова искомая мною слава и да воздержитъ меня Господь отъ исканія иной». Лично скромный въ иностранной политикѣ, Николай Павловичъ былъ столько-же скроменъ и во внутренней. Къ концу двадцатипятилѣтія его царствованія, дворянство многихъ губерній пришло къ мысли ознаменовать событіе «всероссійскимъ молебномъ» въ Москвѣ и поднесеніемъ государю наименованія «отца отечества». Но Николай Павловичъ, понимая, что инниціаторы подобныхъ манифестацій нерѣдко стремятся лишь заявить о себѣ, а главное, не любя никакихъ личныхъ тріумфовъ, отклонилъ юбилейное торжество, написавъ на докладѣ: «Молиться, буде хотятъ, могутъ вездѣ, и можетъ каждый про себя, а не въ видѣ общемъ».

Охраняя строго прерогативы самодержавія и обладая, по выраженію Гизо, врожденнымъ инстин-

ктомъ власти, императоръ Николай не проявлялъ наклонности возводить свою личную волю и свое личное мнѣніе въ непреложный законъ. Онъ охотно выслушивалъ чужія мнѣнія и постоянно обнаруживалъ чуткость къ справедливымъ доводамъ. Поэтому цѣлая бездна отдѣляетъ его отъ автократовъ, въ родѣ Фридриха Великаго, который собственною личностью заслонялъ страну отъ правительства, осыпалъ бранью канцлера, давалъ пинки сановникамъ и противупоставлялъ мнѣнію судей свои личныя, часто грубыя понятія о правосудіи (Маколей). Однако-же, не смотря на полную мѣру благородной скромности, Николай Павловичъ отнюдь не сводилъ своего служенія Россіи до роли пассивнаго символизма. Онъ не скрывался въ глубинѣ правительственнаго механизма и его голосъ не заглушался бумажнымъ шелестомъ канцелярій. Напротивъ, его личность всегда и повсюду была на виду. Людямъ всѣхъ сословій и классовъ, до послѣдняго солдата или крестьянина, была знакома величественная фигура государя, «перваго красавца въ государствѣ», его воинственно-царственный обликъ, выдѣлявшійся въ толпѣ генераловъ свиты, его огненный взглядъ, выражавшій твердость характера, его слегка саркастическая улыбка, его звучный голосъ, его не обильная, но отчетливая, легкая и свободная рѣчь. На безконечныхъ парадахъ и маневрахъ, во время постоянныхъ разъѣздовъ Николая Павловича по Россіи, всѣ имѣли возможность любоваться своимъ царемъ, который былъ, дѣй-

ствительно, по выраженію Ламартина (Histoire de la Russie, 1855), «le type du prince, le rêve du tzar», и представлялъ собою, на самомъ дѣлѣ, «прекрасное выраженіе монархіи Петра Великаго въ XIX вѣкѣ (De-Beaumont-Vassy)».

Черты моральной физіономіи государя были не менѣе знакомы современникамъ и характеризовались единогласнымъ наименованіемъ Николая Павловича «рыцаремъ на тронѣ». Это опредѣленіе духовной сущности императора нельзя не признать вполнѣ справедливымъ, если только слово «рыцарь» понимать не въ западно-европейскомъ смыслѣ, а въ русскомъ. Такая оговорка необходима, потому что наше пониманіе рыцарства не совпадаетъ съ иностраннымъ. Западный рыцарь—вѣрный слуга долга, рабъ даннаго слова, строгій хранитель чести и благородства; но все это проникнуто въ немъ элементами какой-то фантастичности. Духъ авантюры охватываетъ его цѣпкими объятіями и неудержимо исторгаетъ изъ обстоятельствъ времени и мѣста, отдѣляя отъ почвы повседневной дѣйствительности. Западный рыцарь какъ-бы скользитъ поверхъ практически-жизненной прозы. Его призрачный, не смотря на желѣзо доспѣховъ, образъ тяготѣетъ къ міру родственныхъ призраковъ. Для осуществленія благочестія, ему нужна, какъ Людовику IX-му, невѣдомая, таинственная Палестина. Для совершенія подвиговъ, ему необходимы, какъ Ричарду Львиное Сердце, свѣтъ чужаго солнца, тѣнь невиданныхъ деревьевъ, враги въ причудли-

выхъ тюрбанахъ, и прочія декораціи, не безъ примѣси фантастическихъ драконовъ... Совсѣмъ не то представляетъ собою русскій рыцарь. Не менѣе строгія формы его моральныхъ принциповъ способны наполняться практически-жизненнымъ содержаніемъ. Онъ чуждъ искательству приключеній, онъ реалистъ и находитъ арену приложенія удали вокругъ себя, среди обстоятельствъ и лицъ дѣйствительности. Его жизненное поприще не цѣпь театральныхъ похожденій, а достойное исполненіе роли на указанномъ судьбою посту.

Обращаясь къ нравственному міру Николая Павловича, мы находимъ въ немъ звучащія полнымъ тономъ струны возвышенной стойкости убѣжденій, вѣрности даннымъ обѣщаніямъ и благородной солидарности между словомъ и дѣломъ. «Я люблю откровенность,—говорилъ и повторялъ онъ,—я самъ готовъ за правду умереть» (Записки Я. И. Де-Санглена). Однажды, послѣ Іюльской революціи, онъ сказалъ французскому дипломату: «Если-бы въ ваши «славные іюльскіе дни» народъ разбилъ домъ русскаго посольства и опубликовалъ мои депеши, то всѣхъ-бы удивило, что всероссійскій императоръ поручалъ своему послу давать совѣты французскому королю, чтобы онъ точно и строго держался конституціи, на соблюденіе которой далъ присягу». Разъ данное слово должно быть исполнено! Съ такимъ девизомъ рыцарской правдивости Николай Павловичъ выступалъ на поприще международныхъ отношеній, и его шаги, среди путаницы узкихъ

интересовъ, эгоистическихъ страстей и изворотовъ западной политики, не могутъ не вызывать у безпристрастнаго зрителя чувство восхищенія. Проникнутый національно - политическимъ достоинствомъ, императоръ Николай никогда не дозволялъ чужаго вмѣшательства во внутренне-русскія дѣла. Въ самый первый день своего царствованія, стоя на площади предъ толпой мятежниковъ, онъ отклонилъ предложеніе иностранныхъ пословъ войти въ его свиту и тѣмъ подкрѣпить передъ народомъ законность его правъ; онъ поручилъ сказать имъ, «que cette scène était une affraire de famille, à la quelle l'Europe n'avait rien à démèler». Но, отставая самостоятельность политической личности Россіи, онъ желалъ полюбовно-правдивой международной жизни. И тутъ-то, въ отвѣтъ на императорскія требованія прямаго и честнаго обсужденія дѣлъ, всякій разъ поднимался туманъ затаенныхъ козней и скрытаго обмана. Голосъ Николая Павловича, взывавшій о необходимости соблюдать договоры, заглушался лукавымъ гомономъ артистовъ пресловутаго «европейскаго концерта», циничными хитростями западныхъ политиковъ, игнорировавшихъ увѣщанія своихъ-же, европейскихъ мыслителей, которые, начиная съ Гроція, твердили о томъ, что «pacta sunt servanda».

Годы царствованія Николая были эпохой великой тяжбы между «политикой интересовъ» и «политикой морали»: здѣсь какъ-бы ратоборствовалъ духъ Макіавелли съ священной тѣнью Платона.

чья роль вызываетъ болѣе сердечнаго участья? Этотъ вопросъ рѣшаютъ сами иностранцы. Прусскій посолъ въ Константинополѣ писалъ королю о дѣйствіяхъ Николая по греческому вопросу слѣдующее: «Я давно мечталъ о политикѣ благородной, высокой, великодушной со стороны сильнаго по отношенію къ слабому, и вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ я испытываю неизмѣнное удовольствіе, видя осуществленіе этой мечты моей жизни» (ср. соч. г. Татищева «Внѣшн. полит. имп. Николая», 1887 г.). А Ламартинъ, не имѣвшій причинъ быть пристрастнымъ къ нашему государю, заключаетъ очеркъ его политики признаніемъ: «Нельзя не уважать монарха, который ничего не требовалъ для себя и сражался только изъ принципа».

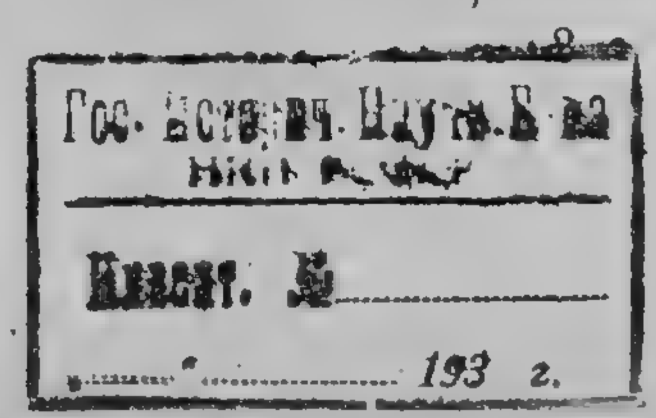
Правда, нѣкоторые «историки» говорятъ о международныхъ «неудачахъ» Николая Павловича. Но мы не будемъ становиться на эту почву, мы не станемъ брать «удачу» мѣриломъ достоинства лицъ и дѣяній. Всякому извѣстны примѣры крайней непривлекательности многихъ «героевъ успѣха»: бываютъ удачи, послѣ которыхъ люди принуждены стыдливо опускать глаза, бываетъ неуспѣхъ, который возвышаетъ человѣка. Одинъ изъ мудрецовъ Эллады отмѣтилъ это сильнымъ, прочувствованнымъ словомъ: добродѣтель,—говорилъ онъ,—когда она окружена внѣшнимъ счастьемъ, можетъ быть смѣшана съ благами, которыя ей сопутствуютъ; но обижаемая, тѣснимая житейскими «неудачами», она остается одна и являетъ тогда во всемъ

блескѣ свою собственную, простую красоту... Могутъ указывать, напр., на неуспѣхи нашей крымской войны, но мы полагаемъ, что никто изъ тѣхъ, которые мирно покоятся на Братскомъ кладбищѣ, не завидовалъ побѣдоноснымъ воинамъ, умиравшимъ изъ-за осуществленія эгоистической, эфемерной и убогой «наполеоновской идеи». Въ то время, о «неудачахъ» котораго иронизируютъ близорукіе политики, костромской крестьянинъ Комаровъ, посылая Николаю Павловичу десять рублей, писалъ: «Государь-батюшка, кабы ты зналъ, какъ мы тебя жалѣемъ и любимъ!» (Записки сенат. Лебедева, Р. Арх. 1888 г.). Въ это время севастопольская армія защищала порогъ своей страны не сводя мысленнаго взора съ своего императора, а императоръ отсчитывалъ мучительными спазмами своего сердца каждую каплю крови, пролитую каждымъ изъ его солдатъ (въ нѣмецкой прессѣ, по поводу смерти Николая Павловича читаемъ: «jeder blessirte soldat ihm Slich in's Herz war»). Такимъ образомъ, моментъ этого «неуспѣха» былъ, въ сущности, однимъ изъ крупнѣйшихъ проявленій великаго русскаго политическаго таинства,—единенія народа, царя и отечества.

III.

Мы отмѣтили въ душѣ императора Николая рыцарскую черту правдивости и чести. Съ этой чертой соединялась другая: высокое, неизмѣнно-на-

пряженное чувство долга. Съ полной справедливостью можно сказать, что центральнымъ пунктомъ природы императора былъ именно долгъ,— долгъ подъ всѣми формами, долгъ человѣка, сына, брата, супруга, отца, воина и государя. Во всѣхъ случаяхъ жизни, среди счастья и несчастья, велѣніе долга составляло его путеводную звѣзду. «Если-бы Провидѣніе, по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ,—писалъ онъ Дибичу въ 1830 г.,—рѣшило намъ погибнуть, то мы погибнемъ съ честью, защищая грудью пробитую брешь. Такія чувства останутся на всю мою жизнь; желалъ-бы сообщить ихъ всюду и всѣмъ, а пока будемъ исполнять нашъ долгъ». Весьма характеристиченъ разговоръ Николая Павловича съ извѣстнымъ Шнейдеромъ однажды въ Красносельскомъ лагерѣ. «Здѣсь,—говорилъ императоръ,—я чувствую себя счастливымъ; здѣсь—порядокъ, установленная строгость, нѣтъ ни фразъ, ни лжи. Здѣсь служба, безпрекословное исполненіе долга. Всю жизнь человѣческую я считаю ничѣмъ инымъ, какъ службою въ этомъ смыслѣ. Если-бы каждый на свѣтѣ добросовѣстно несъ ту службу, какая ему выпала на долю, всюду были бы порядокъ и благополучіе. Посмотри, вонъ идетъ на смѣну караулъ: до обѣда уже не много осталось, но еще не пришелъ часъ и они идутъ голодные и останутся на часахъ, пока ихъ не смѣнятъ. И никто не жалуется. Служба! Такъ и я буду нести свою службу до самой своей смерти». Будемъ справедливы и согласимся съ тѣмъ, что въ



этой рѣчи государя звучитъ солидность тона поученій философовъ древности; будемъ справедливы и признаемъ, что величіе этихъ словъ императора не уступаетъ величію словъ Эпиктета и Марка Аврелія: «Твое дѣло не столько въ томъ, чтобы выбирать свою жизненную роль, сколько въ томъ, чтобы хорошо ее исполнить... Яви въ своемъ лицѣ, живущему внутри тебя богу, мужественнаго гражданина, императора, воина на своемъ посту, готоваго явиться къ разсчету, когда прозвучитъ труба».

Но—здѣсь мы должны припомнить сдѣланную выше оговорку—вѣрность долгу Николая Павловича не заключала въ себѣ каменной мертвенности древняго стоика и желѣзнаго холода западнаго рыцаря. Слѣдованіе долгу у нашего государя смягчалось свойствами русскаго практическаго реализма и теплотою чуткаго сердца. Императоръ былъ требователенъ въ дѣлѣ исполненія людьми обязанностей, но эта требовательность не переходила у него въ театральный ригоризмъ француза или въ окоченѣлый педантизмъ нѣмца. Онъ одаренъ былъ необходимою способностью отличать важное отъ неважнаго, существенное отъ несущественнаго и крупное отъ мелкаго. Эта способность проявлялась постоянно въ повседневной жизни императора. Извѣстно, напр., что спѣшныя извѣстія нерѣдко посылались къ нему простыми записками, на полулисткѣ бумаги, съ помарками: «государь,—объяснялъ одинъ сановникъ подобные факты,—требуетъ отъ насъ дѣла, а не формы». Однажды, въ подан-

номъ императору пакетѣ оказался по ошибкѣ чистый листъ бумаги; государь улыбнувшись замѣтилъ: «только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ». Много говорилось и писалось о формализмѣ николаевскаго времени, по отношенію къ арміи, объ излишнемъ вниманіи къ ея показнымъ сторонамъ, но здѣсь нельзя не принимать въ соображеніе свойства времени: тогда война вообще сохраняла черты своеобразной поэзіи, спеціальнаго щегольства, и не переходила еще, какъ въ наши дни, въ простое наступленіе другъ на друга поголовно вооруженныхъ народовъ, съ голой цѣлью взаимнаго истребленія.

До сихъ поръ еще памятно умѣніе императора быть строгимъ. Его гнѣвъ былъ страшенъ въ равной мѣрѣ всѣмъ и каждому; передъ грозно сверкающимъ взоромъ его одинаково трепетали, и послѣдній чиновникъ, затерянный въ глуши провинціи, и члены царской семьи. Усмотрѣвъ служебную неисправность, Николай Павловичъ не стѣснялся сдѣлать горячій выговоръ генералу или послать подъ арестъ при Сенатской гауптвахтѣ директора министерскаго департамента. Но за то, кто можетъ измѣрить всю ширь и глубину его царской ласки, когда императоръ хотѣлъ загладить какую-либо свою невольную вину, или когда вообще ничто не препятствовало ему обнаруживать сокровища своей открытой, гуманной души! Какъ-то разъ, на другой день послѣ маневровъ, на которыхъ онъ обошелся излишне рѣзко съ однимъ генераломъ,

всѣ начальники войскъ были собраны и государь сказалъ: «Я пригласилъ васъ, господа, чтобы вы были свидѣтелями суда моего надъ самимъ собою». И, обращаясь къ обиженному генералу, прибавилъ: «Я погорячился вчера и оскорбилъ тебя; прошу, извини меня. Я много работалъ надъ собою и много успѣлъ измѣнить въ себѣ, но все-же иногда не могу удержать своихъ порывовъ. Ну, прости-же, братъ, не гнѣвайся!» Подобные факты, внесенные въ исторію со словъ очевидцевъ, свидѣтельствуютъ ярко объ отличіи душевныхъ свойствъ Николая Павловича отъ характера многихъ «великихъ» западной Европы.

Очень часто люди всякаго общественнаго класса имѣли случай наблюдать съ умиленіемъ проявленія истинно-русской простоты и задушевности въ своемъ могучемъ монархѣ. Такъ, московскій фабрикантъ Рыбниковъ, въ своихъ воспоминаніяхъ объ обѣдѣ, данномъ въ Зимнемъ дворцѣ купечеству (въ 1833 г.), пишетъ: Послѣ обѣда, обойдя всѣхъ, государь взялъ приведеннаго малолѣтняго Константина Николаевича и, наклоняя ему голову, приговаривалъ: «кланяйся, кланяйся ниже». Потомъ, ставъ прямо, скомандовалъ великому князю: «Ты адмиралъ, но полѣзай на мачту самъ!» Великій князь хватаясь за руки, пуговицы и петли императора, взлѣзъ на плечо. Тогда государь поцѣловалъ его и сказалъ присутствовавшимъ: «это адмиралъ исправный,—ну, тѣмъ-же маршемъ съ мачты долой!» (Р. Стар. 1886 г.). Нѣтъ нужды говорить о силѣ

впечатлѣнія, производимаго такой открытостью царской души, которую французы сравнивали съ знаменитымъ «aimable abandon» своего любимца Генриха IV-го.

Но рельефнѣе всего выступала благородная и чистая «человѣчность» нашего императора-рыцаря въ частномъ кругу его семейныхъ отношеній. Россія имѣла въ лицѣ своего государя образецъ сына, супруга и отца. Нельзя безъ чувства глубокаго уваженія читать «воспоминанія» и «записки современниковъ», изображающія Николая Павловича у смертнаго одра императрицы матери, Маріи Өедоровны. Не менѣе возвышенно чувство привязанности государя къ супругѣ, Александрѣ Өедоровнѣ. «Chez l'empereur,—говорила одна придворная дама голландцу Гагерну,—la lune de miel dure toujours». Разсказывая о царскомъ семействѣ (послѣ смерти вел. кн. Александры Николаевны), извѣстная А. О. Смирнова писала Гоголю: «Мнѣ кажется, что государь страдаетъ много и едва-ли не тяжелѣе другихъ, потому что хочетъ скрывать свое горе. Государыня мнѣ сказала, что когда они наединѣ, то всегда плачутъ: «nous nous faisons beaucoup de mal à la santé l'un à l'autre». Скажу какъ передъ Богомъ, что семейнымъ образомъ судя людей, я не знаю подобныхъ имъ». (Р. Стар. 1888 г.).

Для дополненія моральнаго образа Николая Павловича, необходимо остановить внимательный взоръ на грустномъ моментѣ его кончины (ср. описаніе бар. Корфа). Узнавъ о неизбѣжности смерти, мо-

нархъ безропотно склонился предъ волей Всемогущаго и призвалъ всѣхъ присутствовавшихъ членовъ семьи. Среди сердечныхъ заботъ умирающаго объ императрицѣ, началась трогательная сцена прощанія. Преподавъ наслѣднику завѣтъ «служенія Россіи», а всѣмъ остальнымъ «согласной жизни», императоръ обратился мыслью къ отсутствовавшимъ дѣтямъ и родственникамъ: при имени каждаго, онъ поднималъ всякій разъ свою исхудалую руку, какъ-бы посылая благословеніе. Въ послѣднихъ проблескахъ сознанія вспыхивало догоравшее пламя чувствъ царя и семьянина. «Я хотѣлъ,—говорилъ онъ,—взявъ на себя все трудное и тяжелое, оставить имперію мирною, счастливою и цвѣтущею. Провидѣнію угодно было иначе. Теперь я удаляюсь молиться за Россію и за васъ, которые послѣ нея, дороже мнѣ всего на свѣтѣ». Онъ скончался, не выпуская рукъ императрицы и наслѣдника; сердечное рукопожатіе прекратилось съ послѣднимъ біеніемъ сердца...

Прекрасная кончина бываетъ естественнымъ завершеніемъ прекрасной жизни. Смерть человѣка вообще состоитъ въ соотвѣтствіи съ его жизнью. Весьма часто послѣдній моментъ существованія проливаетъ свѣтъ на все его предшествовавшее теченіе; сцена смерти кладетъ послѣдніе штрихи въ картинѣ жизни, дополняя остававшіеся въ этой картинѣ пробѣлы и раскрывая смыслъ ея вполнѣ. Такъ, послѣднія минуты и слова Сократа освѣщаютъ ярко фигуру языческаго мудреца и весь его

жизненный путь, на которомъ сіяютъ добродѣтели, подобно случайно брошенной горсти драгоцѣнныхъ камней. «Мы должны пѣтуха Эскулапу», сказалъ Сократъ умирая; т. е.: смерть излечила меня отъ жизни. Таковъ ироническій пессимизмъ, вполнѣ естественный въ человѣкѣ, который всю жизнь проповѣдывалъ о необходимости знанія, осуществлялъ судьбою вложенныя ему въ сердце хорошіе инстинкты, но не имѣлъ мѣста, куда бы могъ преклонить свою голову съ твердою вѣрою... Другой примѣръ. Смерть Людовика Святаго даетъ намъ возможность проникнуть во внутреннее существо католическаго рыцаря, у котораго моральныя сокровища,—случайный даръ въ душѣ язычника,—блистаютъ въ стройномъ сочетаніи христіанскаго вѣнца. «Первое, что я вамъ совѣтую и приказываю,—говорилъ на смертномъ одрѣ Людовикъ IX окружающимъ,—это любить отъ всего сердца Бога, ибо безъ этого никто не можетъ быть спасенъ. La meilleure manière aimer Dieu, c'est de l'aimer sans mesure. Берегитесь всего, что не угодно Ему, ибо вамъ лучше перенести муки всякаго рода, чѣмъ допустить себя до смертнаго грѣха. Еще прошу васъ, не забывайте моей бѣдной души, помогайте мнѣ обѣднями, панихидами, молитвами, милостыней. Яже благословляю васъ, прося Отца и Сына и Святаго Духа охранить васъ отъ всякихъ золъ, чтобы мы могли, послѣ этой смертной жизни, предстать вмѣстѣ предъ Богомъ и воздать Ему благодарность и хвалу безъ конца...» Читая эти слова,

дышащія благочестивымъ экстазомъ, мы какъ-бы видимъ клубы фиміама, которые поднимаются въ высь готическаго храма и сливаются съ сумракомъ его таинственныхъ сводовъ...

Кончина Николая Павловича говоритъ о томъ, что въ русской душѣ можетъ быть величіе монарха, соединенное съ смиреніемъ человѣка, высокій героизмъ безъ холодной ходульности, и религіозность безъ мечтательности и фанатизма.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Черты государственнаго управленія.

I.

Вступивъ на престолъ, Николай Павловичъ засталъ дѣло внутренняго управленія страною не въ блестящемъ положеніи. Всѣ пружины государственнаго механизма не чужды были ржавчины, мѣшавшей правильности ихъ функціонированія. Императоръ Александръ I также зналъ о неудовлетворительности хода дѣлъ. Если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, онъ не разъ замѣчалъ о своемъ чиновничествѣ: «Они-бы утащили военные корабли, если-бы умѣли спрятать ихъ; они-бы похитили во время моего сна мои зубы, если бы могли достать ихъ, не разбудивъ меня». Но, занятый великими войнами и внѣшней политикой, Александръ не имѣлъ возможности заняться дѣломъ улучшенія. Понятны отсюда тѣ ожиданія, которыми встрѣтило общество воцареніе молодаго монарха. Извѣстный А. А. Фокъ, въ своихъ письмахъ къ А. Х. Бенкендорфу (Р. Стар. 1881 г.), весьма

живо описываетъ петербургскіе толки 1826 года. Всѣ благомыслящіе единогласно признавали, что главное зло существующаго порядка заключалось въ эгоизмѣ должностныхъ лицъ и въ разлитой повсюду жаждѣ первенства. Духъ стяжанія и корысти пустилъ вездѣ глубокіе корни. Ремесло грабителей, благодаря общей недостойной терпимости къ нему, стало ужъ слишкомъ выгоднымъ. Растущая преступность и испорченность грозили подорвать моральныя силы народа. Произволъ бюрократіи посягалъ на личную безопасность каждаго и ставилъ препятствія осуществленію благихъ намѣреній правительства, которыя были конечно противны интересамъ этой гидры, болѣе опасной, чѣмъ сказочная гидра. Эта гидра ненасытна. Она—пропасть, становящаяся все шире, по мѣрѣ того, какъ наполняется жертвами. Не естественно-ли желать поэтому,—говорилось въ обществѣ,—чтобы жезлъ правосудія разцвѣлъ какъ жезлъ Моисея? Быть строгимъ къ личностямъ, извлекающимъ для себя пользу изъ того зла, которое они дѣлаютъ другимъ, не значитъ-ли это быть добрымъ ко всѣмъ? Нѣтъ большей ошибки въ дѣлѣ управленія, какъ снисходительность къ людямъ, злоупотребляющимъ довѣріемъ правительства.

Плохое состояніе внутренняго управленія не было тайной для Николая Павловича и онъ началъ свое дѣло именно съ того, съ чего начать надлежало. Законодательство того времени представляло собою огромную, многовѣковую массу отдѣльныхъ

указовъ и постановленій. Юридическія и политическія нормы, которыя должны были регулировать жизнь, тонули въ этой смѣси разрозненныхъ и часто противорѣчивыхъ положеній. Чтобы оріентироваться въ хаосѣ, требовалось быть особенно опытнымъ законникомъ, передъ которымъ обыкновенный гражданинъ являлся вполнѣ безпомощнымъ и беззащитнымъ. Страна не знала и не могла знать своего права. Само собою разумѣется, что подобная юридическая тьма представляла чрезвычайно удобную среду для всякаго беззаконія: произволъ и лѣность, эгоистическія поползновенія и грабительская наглость чиновничьяго міра имѣли полный просторъ. Поэтому первая необходимость требовала внесенія свѣта въ это царство мрака. Нужно было выдвинуть на видъ, что считается въ Россіи дозволеннымъ и что недозволеннымъ, нужно было очистить державные принципы русскаго юридическаго строя, нужно было снять съ общества тяготу монополіи законниковъ, давъ ему въ руки доступный пониманію каждаго законъ. Эта великая русская нужда получила удовлетвореніе: съ истинно николаевскою энергіей и мощью созданъ былъ въ короткое время Сводъ Законовъ, явившійся, какъ извѣстно, не продуктомъ произвольнаго творчества авторовъ, а мудрымъ экстрактомъ историческаго, юридическаго и политическаго опыта страны.

По изданіи Свода, императору Николаю надлежало озаботиться проведеніемъ законовъ въ дѣй-

ствіе, нужно было формулы права ввести въ жизнь и дать имъ возможность функціонировать должнымъ образомъ. Это дѣло составляло заботу всей жизни Николая Павловича. Онъ старался организовать изъ избранныхъ лицъ, подъ собственнымъ начальствомъ, стройную рать вѣрныхъ «слугъ Россіи». Выборъ лицъ обусловливался не личной пріязнью государя, а соображеніями государственной пользы. Не симпатизируя, напр., Сперанскому, Николай Павловичъ однако-же безъ колебанія поручалъ ему важныя дѣла, исполненіе которыхъ соотвѣтствовало талантамъ этого замѣчательнаго дѣятеля. Проникнутый высокимъ политическимъ чувствомъ и смысломъ, императоръ далекъ былъ отъ мысли что-либо личное возводить до значенія общегосударственнаго, но дорогое странѣ было лично дорого ему. При назначеніяхъ сановниковъ всѣмъ ясно чувствовалось, что императоръ поручаетъ не только благо народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свое собственное, близкое его сердцу дѣло. «Я ввѣряю вамъ спокойствіе многихъ людей, а на этомъ спокойствіи основано и мое собственное»,—внушалъ онъ назначаемымъ къ должности лицамъ. При этомъ онъ расточалъ столько величаво-царской, а иногда и трогательно-просящей ласки, что чиновникъ, по окончаніи аудіенціи, ощущалъ въ своей душѣ горячій приливъ готовности на всякія жертвы, ради исполненія священной царской воли; онъ чувствовалъ, сверхъ того, что въ лицѣ императора у него постоянный, бодрствующій помощникъ, котораго

заботливый взоръ и свѣтлый умъ всегда оцѣнитъ поступки по ихъ существу. При открытіи министерства государственныхъ имуществъ, въ полномъ собраніи сенаторовъ, назначенныхъ въ составъ совѣта министра, императоръ взялъ дружески за руку гр. Киселева и сказалъ: «Я надѣюсь, что благодаря поддержкѣ, которую мнѣ обѣщалъ Павелъ Дмитріевичъ, съ помощью его опытности и знаній, я совершу это важное дѣло». Такова была душевная привѣтливость Николая Павловича ко всѣмъ, кого онъ бралъ къ себѣ въ сотрудники.

За то нарушенію служебнаго долга грозилъ справедливый царскій гнѣвъ,—и не было такой закаленной злой воли, которая бы не трепетала предъ олимпійскимъ громомъ этого гнѣва. Кромѣ того, должностные проступки и преступленія должны были считаться съ суровыми формами служебной дисциплины. Строй должностнаго соподчиненія тѣхъ временъ заключалъ въ себѣ черты, совсѣмъ забытыя и невозможныя теперь. Въ «воспоминаніяхъ современниковъ» читаемъ, напр., что гр. Протасовъ бранилъ провинившихся флигель-адъютантовъ «глупцами, блюдолизами, соусниками» и пр., а съ губернаторомъ велъ разговоръ въ такомъ духѣ: «Молчать! еще слово и я отправлю васъ въ телѣжкѣ!» Попечитель петербургскаго учебнаго округа Мусинъ-Пушкинъ, разгнѣванный при посѣщеніи одной гимназіи (1848 г.), кричалъ: «директора, инспектора въ солдаты сдамъ!..»

Тревожась о степени правильности хода управ-

ленія, Николай Павловичъ создалъ особое учрежденіе, на обязанности котораго, кромѣ дѣлъ специальной полиціи, лежалъ надзоръ за дѣятельностью лицъ должностнаго персонала. Это было знаменитое «Третье отдѣленіе собственной его величества канцеляріи», извѣстное, благодаря всегдашней односторонности извѣстной части русской публицистики, только со стороны печальныхъ злоупотребленій, вкравшихся въ него съ теченіемъ времени. Истинная мысль учрежденія выступаетъ рельефно въ словахъ императора, который, въ отвѣтъ на вопросъ объ инструкціи, подалъ гр. Бенкендорфу (первому начальнику III отдѣленія) свой платокъ и сказалъ: «утирай этимъ платкомъ какъ можно больше слезъ». Руководящая цѣль учрежденія заключалась въ томъ, чтобы пресѣчь возможность проявленіямъ чиновничьяго злоупотребленія, чтобы открыть прямой, кратчайшій путь, по которому бѣдствія, причиняемыя беззаконіемъ, доходили-бы до свѣдѣнія императора, и чтобы, такимъ образомъ, самаго скромнаго и безгласнаго гражданина поставить подъ защиту престола. Третье отдѣленіе должно было стать коррективомъ недостатковъ управленія и живою, связующею нитью между подданными и государемъ. Этимъ учрежденіемъ Николай Павловичъ хотѣлъ усилить зоркость своего отеческаго взора и добыть себѣ возможность являться своевременно защитникомъ спокойствія и права каждаго изъ гражданъ (ср. «Инструкцію гр. Бенкендорфа» Р. Арх. 1889 г., 7).

Не всѣ, конечно, лица, которыхъ избиралъ Николай Павловичъ, оказывались на высотѣ своего назначенія. Онъ дѣйствительно, недостаточно цѣнилъ подготовку лицъ для должности, возлагая излишнюю надежду на общечеловѣческую «сметливость»; однако-же, имѣя передъ глазами поистинѣ чудовищное ослѣпленіе, проявляемое самимъ обществомъ, въ дѣлѣ выбора должностныхъ лицъ, нельзя относиться строго къ ошибкамъ императора.

Притомъ, между дѣятелями николаевскаго царствованія было не мало крупныхъ личностей и честныхъ тружениковъ. Не говоря уже о сотрудничествѣ вѣрой и правдой великихъ князей Михаила и Константина Павловичей, должно указать на Сперанскаго, на гр. Уварова, на Канкрина, такъ часто повторявшаго слова: «Der Mensch darf sich Mensch nennen, wenn er arbeitet». Затѣмъ нельзя не упомянуть о гр. Киселевѣ, обладавшемъ глубокимъ административнымъ умомъ, о гр. А. Ѳ. Орловѣ, отличавшемся рыцарскимъ характеромъ и бывшемъ постояннымъ спутникомъ императора въ его путешествіяхъ. И мн. др. Даже между болѣе скромными именами встрѣчаемъ много людей высокаго моральнаго уровня. Въ одномъ изъ нашихъ историческихъ журналовъ, въ воспоминаніяхъ объ инженерномъ генералѣ Е. А. Егоровѣ, читаемъ слѣдующій поучительный діалогъ: «Ну, скажи,— замѣтилъ Егорову одинъ изъ старыхъ его сослуживцевъ,—что выиграли мы съ тобою, оберегая такъ беззавѣтно казенную копѣйку и позабывъ за-

пастись капитальцемъ про черный день? А вѣдь, кажется, было съ чего, милліоны прошли черезъ наши руки».—«Какъ что? воскликнулъ съ изумленіемъ Е. А.—А этого развѣ тебѣ мало, что мы къ концу нашей жизни можемъ такъ смѣло смотрѣть на себя въ зеркало? Не то бы было, если бы мы набили себѣ карманы, тогда пришлось бы отвернуться отъ своего облика, плюнуть и сказать самому себѣ: «экій ты, братецъ, подлецъ».

Дѣятели Третьяго отдѣленія также отнюдь не представляли собою какихъ-либо печальныхъ исключеній. Гагернъ, бывшій въ Россіи въ 1839 году, говоритъ о гр. Бенкендорфѣ: «Я слышалъ о немъ одно хорошее; трудную обязанность шефа жандармовъ онъ выполняетъ съ большою добросовѣстностью и искусствомъ; говорятъ, что онъ многихъ предупреждаетъ, никогда не возбуждаетъ у государя подозрѣній по поводу пустыхъ доносовъ, но скорѣе успокоиваетъ его». Объ этомъ свидѣтельствуютъ и прощальныя слова, сказанныя графу Николаемъ Павловичемъ: «Ты меня ни съ кѣмъ не поссорилъ, но примирилъ со многими». Изреченіе, дѣлающее честь въ одинаковой мѣрѣ, какъ самому монарху, такъ и его благородному сотруднику... Далѣе, личность Л. В. Дубельта, столь оклеветанная либеральной частью нашей прессы, заключала въ себѣ, на самомъ дѣлѣ, весьма почтенныя свойства. Его безупречная честность стояла всегда внѣ всякихъ подозрѣній. Однажды государь, узнавъ о попыткѣ гр. Потоцкаго подку-

пить Л. В., велѣлъ написать Потоцкому, что не только у него, но у самого императора нѣтъ достаточно денегъ, чтобы подкупить генерала Дубельта. Нравственная физіономія послѣдняго лучше всего выступаетъ въ недавно напечатанныхъ письмахъ его къ женѣ (Р. Стар. 1888 г.). «Вчера,— пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—отдали мнѣ твое письмо. «Не будь жандармъ», говоришь ты! Но понятно-ли тебѣ существо дѣла? Ежели я, вступя въ корпусъ жандармовъ, сдѣлаюсь доносчикомъ, наушникомъ, тогда доброе имя мое, конечно, будетъ запятнано. Но ежели я, напротивъ, буду опорою бѣдныхъ, защитою неопытныхъ, буду заставлять отдавать справедливость угнетеннымъ, буду, наблюдать, чтобы въ мѣстахъ судебныхъ давали тяжебнымъ дѣламъ прямое и справедливое направленіе, — тогда чѣмъ ты назовешь меня?.. Твое разсужденіе,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—моя дорогая Анненька, о томъ, что мнѣ не годится мои партикулярныя письма посылать въ казенныхъ конвертахъ, совершенно справедливо. Но я это дѣлаю не самъ и вотъ почему: Г. С. Поповъ, какъ секретарь главноуправляющаго надъ почтовымъ департаментомъ, по закону имѣетъ право посылать въ казенныхъ конвертахъ и безъ всякой платы всякія письма. Вотъ онъ присталъ ко мнѣ, что бы я всю мою переписку присылалъ къ нему, а его уже дѣло отправлять ихъ по принадлежности. Сначала я отказался отъ его предложенія, но когда онъ нѣсколько разъ повторилъ

оное, то я согласился. Ежели и послѣ этого ты думаешь, что я это дѣлать не долженъ, то скажи только слово и я тебя послушаюсь». Эти строки интимной супружеской переписки кажутся на современный взглядъ—увы!—излишне наивными, но для удовлетворенія чувства собственнаго достоинства націи, онѣ далеко не маловажны.

Распредѣляя дѣло управленія между учрежденіями и лицами, императоръ Николай не увольнялъ и себя самого отъ непосредственной службы государству. Напротивъ, онъ бралъ на себя огромную долю труда, по временамъ изнемогая даже физически подъ бременемъ его. Во время кодификаціонныхъ работъ, онъ лично слѣдилъ за ними; не проходило 5—6 дней, чтобы онъ не занимался съ Сперанскимъ по цѣлымъ часамъ; всѣ чиновники, участвовавшіе въ составленіи Свода, представляли ему еженедѣльные отчеты, на которыхъ нерѣдко отъ писалъ свои отмѣтки. Потому-то рѣчь его въ Государственномъ Совѣтѣ 19 января 1833 года блистала такимъ знаніемъ дѣла, что Сперанскій, по выходѣ изъ засѣданія, замѣтилъ въ частной бесѣдѣ: «Государь говорилъ какъ профессоръ. Ни я и никто изъ работавшихъ исключительно надъ этимъ дѣломъ столько лѣтъ, не могли бы представить его такъ полно, такъ отчетливо и убѣдительно». Въ разсмотрѣніи проэктовъ и провѣркѣ отчетовъ Николай Павловичъ вообще проявлялъ величайшую внимательность и дѣловитость. За нѣсколько дней до отъѣзда его за-

границу (въ 1838 г.), нужно было представить ему около 800 листовъ проэктовъ по учрежд. госуд. имуществъ. Графъ Корфъ поднесъ ихъ государю, не успѣвъ прочитать предварительно, но императоръ нашелъ время разсмотрѣть все и высылалъ постепенно графу листы съ поправками множества описокъ... Случалось, что Николай Павловичъ, провѣряя цифровыя данныя отчетовъ, открывалъ злоупотребленія, проходившія благополучно чрезъ многіе шлагбаумы предшествовавшаго контроля. Такимъ именно образомъ открылось, напр., знаменитое дѣло Политковскаго, который, завѣдуя дѣломъ призрѣнія инвалидовъ и не имѣя никакого состоянія, 18 лѣтъ поражалъ Петербургъ необыкновенной роскошью жизни. Въ позднѣйшее время установилась уже привычка къ подобнымъ необъяснимымъ загадкамъ, но тогда это было еще новостью. Однако-же никто изъ тѣхъ лицъ, которыя участвовали въ лукулловскихъ пиршествахъ и феерическихъ праздникахъ бѣднаго чиновника, не догадывался, что источникъ великолѣпія кроется въ кассѣ инвалидовъ. И только зоркость хозяина русской земли поставила предѣлъ хищенію.

Интересуясь какимъ-либо дѣломъ, Николай Павловичъ не пренебрегалъ деталями, понимая, что цѣлое состоитъ въ зависимости отъ своихъ частей, и что великое часто можетъ быть подорвано мелочью. Такъ, во-время постройки желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою, онъ не лѣ-

нился осматривать подробности и не гнушался заходить въ неприглядныя временныя помѣщенія телеграфа. Трудно описать способность императора распредѣлять свою заботу одновременно по безчисленнымъ и разнообразнымъ интересамъ огромнаго государства. Иногда, видя затрудненія Россіи во внѣшней политикѣ и замѣчая слабость своихъ дипломатовъ, государь принимался за дѣло самолично. Напр., въ 1844 г., въ Лондонѣ, мы видимъ трогательное зрѣлище усилій императора защитить справедливые интересы страны. Аттакуемый комплотомъ европейскихъ государствъ, тѣснимый враждебными вожаками иностранной политики, онъ всѣми силами ратоборствовалъ за Россію, стараясь снять съ нея нареканія въ жадности или корысти: «Я хочу—говорилъ и повторялъ онъ англійскимъ политикамъ, — завоевать ваше довѣріе, хочу чтобы вы научились вѣрить, что я искрененъ, что я говорю что думаю и держу свое слово...»

Занятый сложными вопросами иностранной политики, онъ не терялъ изъ виду самыхъ спеціальныхъ сторонъ русской жизни. Такъ, съ головой исполненной трудныхъ задачъ и плановъ онъ находилъ возможность вести бесѣду, въ теченіе всего, уже упомянутаго выше обѣда, даннаго въ честь купечества въ Зимнемъ дворцѣ. И въ этой бесѣдѣ мы находимъ не вялую, внѣшне-показную любезность, а свѣтъ активно-живой и проницательной мысли. «Почему наши купцы,—говорилъ онъ,

—не охотно приступають къ строенію кораблей, къ обширной торговлѣ, къ сношенію съ другими государствами? Въ Закавказскомъ краѣ есть всякаго рода растенія, много сортовъ винограда; можно бы соперничать виномъ съ Франціей, и однако-же все лежитъ въ забвеніи». Не звучитъ-ли въ этихъ словахъ указаніе на вѣковѣчную ахилессову пяту нашего комерческаго люда, котораго торговля заключается въ жадно-лѣнивомъ выжиданіи чрезмѣрныхъ барышей, въ уловленіи покупателя подвохомъ, какъ бы изъ засады, и въ постоянныхъ переходахъ, смотря по обстоятельствамъ, отъ сонной неподвижности къ «молодецкому» срыванію произвольныхъ кушей?

Много труда и вниманія занимала у императора Николая армія. Смотры и маневры шли безконечнымъ рядомъ; не было стороны въ военной жизни, которая не останавливала бы на себѣ вниманіе государя. Поэтому, если наши войска оказывались иногда отсталыми въ вооруженіи, то никогда не обнаруживали они слабости въ томъ, что называется «духомъ арміи» и что составляетъ прямой результатъ моральнаго воздѣйствія на нихъ со стороны державнаго вождя. Когда возникали войны, вниманіе императора напрягалось съ особенною силою. Читая его переписку съ главнокомандующими, его совѣты и предписанія, мы видимъ, что онъ какъ-бы присутствовалъ среди своей арміи и всѣмъ своимъ существомъ участвовалъ во всѣхъ ея движеніяхъ, во всѣхъ ея успѣхахъ и неудачахъ.

Счетъ потерямъ велся точно въ его глубоко чувствовавшемъ сердцѣ.

Для полноты изображенія кипучей дѣятельности Николая Павловича, необходимо вспомнить о его постоянныхъ разъѣздахъ по Россіи. Въ легкомъ экипажѣ, почти безъ свиты, императоръ проносился по широкимъ пространствамъ, какъ заботливый, знающій хозяинъ, который всюду хочетъ быть и со всѣмъ познакомиться лично. Это не были только парадно-показные выѣзды монарха, это были дѣловыя поѣздки и серьезныя ревизіи. Для характеристики ихъ припомнимъ какой-либо примѣръ,— хотя-бы день, проведенный императоромъ въ Брестѣ въ 1840 году (записки Ѳ. Я. Мирковича). Съ утра мы видимъ государя среди безконечныхъ докладовъ, пріемовъ и смѣны передъ нимъ вереницы лицъ; но это не утомляетъ императора, его вниманіе бодро и онъ говоритъ коменданту: «Вчера твой вечерній рапортъ былъ наполненъ ошибками и вздоромъ, это доказываетъ, что ты подписываешь не читая». Затѣмъ Николай Павловичъ начинаетъ осмотръ новой крѣпости, указываетъ мимоходомъ на лишнее число часовыхъ («у насъ всегда такъ, гдѣ надо поставить двухъ, тамъ не пожалѣютъ десять!»), провѣряетъ правильность линіи брустверовъ, отмѣчаетъ сильныя и слабыя стороны укрѣпленія. На ходу императоръ высказываетъ соображенія объ устройствѣ корпуса: «Мирковичъ, давай мнѣ денегъ, а я тебѣ приготовлю зданіе для корпуса». Тутъ мы присутствуемъ при разговорѣ,

въ которомъ выступаетъ всегдашняя терпимость государя къ дѣльнымъ возраженіямъ, онъ не спѣшитъ замкнуть уста несоглашающихся деспотическимъ «быть по моему», а доказываетъ и старается убѣдить. Продолжая осмотръ, Николай Павловичъ обращаетъ вниманіе на большую толпу евреевъ, копошащуюся въ дали. «Чѣмъ они живутъ?—говоритъ онъ.—Надо непремѣнно придумать, что съ ними дѣлать и дать этимъ тунеядцамъ работу». Затѣмъ идетъ, среди дѣльныхъ указаній, ревизія комисаріата, госпиталя и арсенала. Проѣзжая на возвратномъ пути по городу, императоръ замѣчаетъ несоотвѣтствіе цифръ, выставленныхъ на домахъ и означающихъ сроки ихъ сломки, съ дѣйствительною прочностью домовъ. «Это надо перемѣнить,—говоритъ онъ,—тутъ явный подкупъ; эти жиды кого не подкупятъ... Назначить другую комиссію». Потомъ призывается полковникъ путей сообщенія, на столѣ развертывается карта и государь приступаетъ къ обсужденію важнаго вопроса мѣстнаго благоустройства. А тутъ-же снаряжается дипломатическій агентъ въ Пруссію... Таковъ день императора, въ лицѣ котораго Россія имѣла высокоталантливаго администратора. Въ виду описаннаго, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что пріѣздъ государя ожидался русскими городами и мѣстностями, какъ великій праздникъ. Оскорбленные и обиженные, затерянный въ трущобѣ провинціальной въ тюрьмѣ арестантъ, выбившаяся изъ силъ жертва судебной волокиты,—всѣ ждали этого

пріѣзда, все шевелилось, чистилось и охорашивалось въ этомъ ожиданіи, злоупотребленіе-же, какъ гадъ, спѣшило запрятаться въ первую попавшуюся трещину. Императоръ проносился по государству зоркимъ орломъ, расточая блага, насколько могъ, будучи человѣкомъ; а народъ, исполненный восторга, почти молился на него, ложился къ его ногамъ, бѣжалъ за его экипажемъ, обгонялъ и крестился.

Таковъ былъ державный труженикъ земли русской.

II.

Отдавая должное величію намѣреній и дѣятельности Николая Павловича, нельзя отрицать того, что гидра русскихъ нестроеній не была истреблена имъ до конца. Много фактовъ убѣждаетъ въ томъ, что недостатки управленія не исчезли не смотря на усилія императора. Свидѣтельства современниковъ и очевидцевъ изобилуютъ обличительными данными. Одно свидѣтельство говоритъ, что въ Россіи тѣхъ временъ никто не смѣшивалъ словъ: «Частный приставъ» и «честный приставъ»; другое—описываетъ памятную книжку полиціймейстера, гдѣ было занесено по именамъ нѣсколько сотъ нищихъ: всякій изъ нихъ, по степени лѣтъ и искалѣченія, былъ оцѣненъ тутъ еженедѣльной податью, причемъ съ замѣчательною аккуратностью поставлены были отмѣтки о самыхъ мелкихъ, копѣечныхъ недоимкахъ. Третій современникъ приводитъ разговоръ исправника съ сановникомъ: « Смѣю доложить, что только въ

одномъ мѣстѣ чиновники не берутъ съ откупа».— Гдѣ-же?— «Тамъ гдѣ его нѣтъ». Четвертый свидѣтель говоритъ о «благоразумной экономіи» отъ каждой солдатской чарки и отъ каждаго фунта мяса. Пятый утверждаетъ, что контрабанда наводняла страну, а шампанское называлось таможеннымъ квасомъ; что въ казенныхъ палатахъ велись два списка народонаселенія для взиманія подушныхъ сборовъ: одинъ для самой палаты, другой вдвое меньше для казны. Шестой очевидецъ, въ самый день смерти императора, вноситъ въ свой дневникъ элегическія строки: «Неуваженіе собственности, захватъ, воровство,—главнѣйшіе недостатки нашей жизни». Николай Павловичъ самъ не былъ въ невѣдѣніи относительно всего этого, ибо съ грустью сказалъ на смертномъ одрѣ: Я хотѣлъ оставить Россію цвѣтущею и вполнѣ благоустроенною, но Провидѣніе судило иначе.

Что-же мѣшало богатырскимъ трудамъ императора достигнуть цѣли? Не была-ли препятствіемъ самая система его внутренней политики?

Конечно, организація управленія, въ видѣ распредѣленія дѣлъ между довѣренными лицами, доступна несовершенствамъ. Здѣсь открывается возможность нѣкотораго произвола и случайности; характеръ осуществленія административныхъ задачъ сливается съ характеромъ начальствующихъ лицъ и способенъ прихотливо мѣнять свою окраску и направленіе въ зависимости отъ смѣны лицъ. Чаяніе назначеній собираетъ къ источнику влас-

ти жадную толпу честолюбій, которыя пускаютъ въ ходъ рафинированное искусство и страстное стараніе выставиться. Среди такой сутолоки вожделѣній, можетъ оказаться труднымъ опредѣленіе истинныхъ достоинствъ лицъ. Тѣмъ болѣе, что въ этой скачкѣ на призы не церемонятся въ средствахъ: «даръ терпѣливаго ожиданія въ передней,—замѣчаетъ въ своихъ запискахъ гр. П. Х. Граббе,—не рѣдко доставлялъ болѣе выгодъ и сближалъ наконецъ съ сильными, чѣмъ многотрудные походы, выигранныя сраженія и отличія гражданскія». Вслѣдствіе этого не невозможнымъ оказывается выныриваніе случайныхъ личностей, безъ всякой физіономіи, назначеніе которыхъ ничего не говоритъ и ничего не обѣщаетъ обществу. При этомъ, такъ какъ трудно развѣсить съ математической точностью многообразныя заслуги разныхъ лицъ, а люди вообще наклонны къ преувеличенной самооцѣнкѣ, то въ средѣ жаждущихъ милости скопляется бездна затаеннаго недовольства: подъ оболочкой пріятныхъ улыбокъ, здѣсь часто развивается самая тяжелая, самая гнетущая, хотя по существу и пошлая, драма... Ограждаясь отъ произвола лицъ въ отправленіи обязанностей, можно поручать надзоръ за ними другимъ лицамъ; но это поставленіе лицъ надъ лицами можетъ приводить лишь къ круговой порукѣ злоупотребленій.

Вполнѣ признавая всѣ эти возможности, Николай Павловичъ не предпринималъ однако-же радикальныхъ измѣненій и перестроекъ. Онъ не былъ,

по существу своему, отважнымъ реформаторомъ, котораго мысль витаетъ внѣ пространства и времени. Напрасно думать, что Іосифъ II австрійскій— идеалъ правителя. Напрасно думать, что аттестація: «онъ далеко шагнулъ за предѣлы своего времени»,—есть похвала, умѣстная по отношенію къ политику. Такое свойство дѣлаетъ честь ученому, писателю, философу, но въ государственномъ дѣятелѣ оно грозитъ бѣдою, ибо этотъ дѣятель долженъ быть прежде всего человѣкомъ настоящаго. Николай Павловичъ принадлежалъ къ числу «тяжелыхъ» людей, которыхъ нельзя увлечь летучимъ вихремъ увлеченія, нельзя соблазнить эффектной перспективой, если въ этой перспективѣ не все ясно, не все продумано и взвѣшено.

Примѣромъ указанной черты въ императорѣ Николаѣ можетъ служить его отношеніе къ вопросу о крѣпостномъ правѣ. Все зло и всѣ несправедливости этого права всегда были понятны и ясны его уму и сердцу. Въ частномъ разговорѣ съ гр. Киселевымъ въ 1834 году онъ сказалъ, указывая на картоны, стоявшіе на полкахъ кабинета: «Видишь ли, здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи». И онъ дѣйствительно велъ этотъ процессъ неотступно (пока обстоятельства, о которыхъ ниже, не задержали его работу). Съ 1826 года по 1848-ой издано было болѣе ста постановленій, въ которыхъ обнаружива-

ются стремленія облегчить всѣ способы увольненія крестьянъ, запрещенія продажи ихъ безъ земли, запрещеніе уменьшать общее пространство крестьянской земли, изъятіе у помѣщиковъ права уголовныхъ взысканій, мѣры противъ жестокаго обращенія съ крѣпостными, воспрещеніе дробленія семействъ, и пр. Обыкновенно принято относиться къ этимъ «полумѣрамъ» съ ироническимъ пренебреженіемъ; но почему-же аналогическій путь дѣятельности другихъ людей и въ другія времена получаетъ совершенно иную оцѣнку? Наука не осуждаетъ, напримѣръ, осторожность Аристотеля въ вопросѣ о рабствѣ, и восхваляетъ тактъ римскихъ юристовъ, которые дѣйствовали въ томъ-же вопросѣ не анархическими пріемами внезапнаго разрушенія существовавшихъ законовъ, а шли путемъ смягченій дѣйствовавшаго права, путемъ постояннаго истолкованія всѣхъ сомнѣній текущей жизни въ пользу твердо сознаннаго идеала.

«Полумѣры» императора Николая обусловливались не малодушіемъ или робостью, которыя странно предполагать въ неустрашимомъ рыцарѣ-монархѣ, и не слабостью его антипатій къ отвратительнымъ свойствамъ крѣпостнаго права. Безъ сомнѣнія, его удерживали отъ рѣшительныхъ мѣръ серьезныя соображенія: какъ разрушить сразу старые устои общежитія, *при отсутствіи новыхъ, готовыхъ на смѣну?* Можно-ли рискнуть устраненіемъ существующаго уклада жизни, не имѣя еще данныхъ точно предвидѣть будущій modus vivendi?

Власть помѣщиковъ въ существѣ своемъ—зло, но она такъ или иначе оформляла отношенія, она несла на себѣ крупную часть важнаго дѣла регулированія жизнью, водворенія въ странѣ такого или инаго порядка, дисциплинированія произволовъ и преслѣдованія проступковъ. Устраняя эту власть, государство беретъ на себя всю тяжесть управленія общежитіемъ. Но, если государство *не имѣетъ еще* въ наличности достаточныхъ для этого силъ и способовъ, то не будетъ-ли отмѣна одного зла лишь водвореніемъ другаго, водвореніемъ «естественнаго состоянія», въ которомъ общежитіе брошено на произволъ «игры экономическихъ законовъ», и въ которомъ находитъ себѣ удобный пріютъ печальная школа своеволія, нравственной распущенности и игнорированія закона? При полной и горячей антипатіи къ «крѣпостничеству», можно однако-же сознавать опасность перспективы исчезновенія морально-гражданской дисциплины. Декабристъ Бѣляевъ, поднимавшій мятежное оружіе въ 1825 году, на Сенатской площади, съ криками о безусловной свободѣ,—въ 1880 г. пишетъ: «для крестьянъ нужна еще опека, попечители». Онъ пришелъ къ своему новому заключенію, наученный опытомъ. Но, подъ краткой фразой: «наука опыта», скрывается часто масса общественныхъ несчастій, масса нерѣдко непоправимыхъ бѣдъ, въ предусмотрительномъ и осторожномъ предупрежденіи которыхъ и заключается истинная слава государственнаго человѣка.

Возвращаясь къ порядкамъ внутренняго управленія той эпохи, мы повторяемъ, что Николаю Павловичу были извѣстны ихъ недостатки. При снаряженіи одной ревизіи въ 1849 г., онъ говорилъ посылаемому сенатору: «Поѣзжай, знаю напередъ, что ты найдешь тамъ мало хорошаго. Суды въ безпорядкѣ. Полиція не лучше. Проэкты о ней въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не двигаются впередъ. Дворянскія опеки не охраняютъ сиротскія имѣнія, а раззоряютъ. О нихъ я тщетно стараюсь много лѣтъ». Конечно, государю, не трудно было-бы выступить на путь перенесенія въ Россію чужихъ порядковъ. Въ средѣ извѣстной части интеллигенціи этотъ путь не замедлилъ-бы вызвать одобреніе, потому что и тогда не мало было лицъ, которыхъ убѣжденія характеризуются слѣдующимъ разсказомъ Гагерна. На вопросъ этого иностранца о русскихъ: «Dans quelle branche des sciences et d'industrie ont-ils fait le plus de progrès?»—генералъ Кавелинъ, воспитатель наслѣдника, Александра Николаевича, отвѣтилъ: «Dans toutes les branches cails ont surtout le génie de l'imitation». Гагернъ иронически записалъ въ своемъ дневникѣ: «Геній подражательности,—это какой-то совсѣмъ новый родъ геніальности!..» Императоръ Николай не раздѣлялъ подобнаго взгляда; онъ понималъ, что западные порядки не представляютъ собою осуществленія какихъ-либо «всечеловѣческихъ или объективныхъ идеаловъ» (какъ выражаются нѣко-

торые блуждающіе во тьмѣ писатели *), а просто суть временные и мѣстные результаты юридико-политическаго творчества нѣсколькихъ государствъ Европы. Николай Павловичъ понималъ, что ставить Россію на путь подражанія въ дѣлѣ этого творчества, значитъ унижать народъ, какъ унижается и художникъ, осуждаемый на вѣчную роль копирователя чужихъ произведеній. Императоръ какъ-бы опасался подвергнуться упрекамъ въ родѣ слѣдующаго: «Заимствуя много у другихъ народовъ, не мѣшаетъ позаимствовать прежде всего хотя бы у Англіи ту осторожность, съ которою она относится къ нововведеніямъ, справедливо боясь, что преждевременно введенное новое можетъ оказаться хуже стараго (слова одного изъ современныхъ почтенныхъ юристовъ)».

Задаваясь цѣлью улучшить государственное управленіе, можно было-бы начать сокращеніе правительственной «опеки», предоставляя губерніямъ,

*) Въ родѣ г. Вл. Соловьева, о полемикѣ котораго, вообще неопрятной, мы должны сказать два слова. Желая во что бы то ни стало защититься отъ своихъ противниковъ, онъ въ послѣдней статьѣ (Вѣстн. Евр. 89 г. 12) намекаетъ, что многіе изъ нихъ не имѣютъ права говорить о русскихъ идеалахъ, т. к. принадлежатъ «къ числу иностранцевъ». Относительно насъ лично, сообщаемъ г. Соловьеву, что мы имѣемъ честь принадлежать, и не со вчерашняго дня, къ русскому потомственному дворянству. Слѣдовательно, считать насъ «иностранцемъ» такъ же не вѣрно, какъ и г-на Вл. Соловьева, имѣющаго честь принадлежать по происхожденію къ русскому духовенству.

уѣздамъ и городамъ завѣдываніе мѣстными дѣлами чрезъ выборныхъ людей. Это было-бы чрезвычайно выгодно для правительства, ибо такимъ образомъ съ него снята была бы тяжелая обязанность разсѣявать свое вниманіе на детали и быть въ постоянной готовности устремляться на помощь всякой мелкой нуждѣ. Но императоръ Николай не могъ обладать рѣшимостью на такую реформу, потому что видѣлъ слабость выборнаго начала даже въ тѣхъ ограниченныхъ предѣлахъ, въ которыхъ оно уже существовало. Его опытъ въ этомъ отношеніи заключался въ томъ, что представлялъ ему лишь тысячи примѣровъ равнодушія, даже состороны дворянства, наиболѣе культурнаго класса въ странѣ. Не разъ, дѣйствительно, встрѣчаемъ мы въ циркулярахъ министровъ внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ указанія на необходимость придумать мѣры «къ пресѣченію уклоненія дворянъ отъ службы по выборамъ и къ привлеченію ихъ занимать по выборамъ должности, силамъ и способностямъ каждаго соотвѣтственныя» (напр. цирк. 1843 г. мая 27). Въ историческихъ журналахъ не рѣдко можно встрѣтить факты въ родѣ слѣдующаго. Разъ въ одной губерніи, на выборахъ предсѣдателя гражданской палаты, кто-то изъ дворянъ сказалъ шутя: «а не попросить-ли намъ баллотироваться Ивана Сидоровича Толмачева?» И вотъ лицо, извѣстное всѣмъ крайней простотой и полнымъ невѣдѣніемъ судейскаго дѣла, оказалось выбраннымъ громаднымъ большинствомъ. Государь

велѣлъ *утвердить выборы—въ наказаніе* дворянамъ за несознаваніе ими своихъ правъ, интересовъ и важности дѣла. Спрашивается, откуда могла-бы возникнуть у императора рѣшимость построить управленіе на началѣ, столь мало имѣющемъ корней и представляющемъ столь мало шансовъ на правильное дѣйствіе? Наказывая выборщиковъ утвержденіемъ ихъ выборовъ, не трудно было прозрѣвать, что на лонѣ общаго индифферентизма выборное начало можетъ родить такихъ «сотрудниковъ» правительству, властью которыхъ наказывать общество будетъ уже слишкомъ жестоко. Чиновники плохи,—могъ думать императоръ,—но все-же ихъ можно заставить дѣйствовать цѣлесообразно и быстро, какъ того требуютъ административныя задачи; все-же, поручая имъ дѣло, всегда имѣется возможность найти виновнаго и покарать. Что-же будетъ, если правительство поручитъ заботу о важныхъ вопросахъ общежитія «самостоятельнымъ» учрежденіямъ, въ неопредѣленной многоголовости которыхъ не видно отдѣльныхъ людей? Что будетъ, когда формализмъ независимыхъ автономій создастъ туманный сумракъ, столь удобный для проявленія безнаказанной лѣности и своекорыстія?...

«Суды въ безпорядкѣ,—говорилъ Николай Павловичъ,—пора обратить вниманіе на наше неудовлетворительное отправленіе судопроизводства». Но и здѣсь онъ не обнаружилъ желанія устремиться на легкій путь заимствованія иноземныхъ учреж-

деній, встрѣчаясь съ весьма солидными сомнѣніями. Относительно, напр., суда присяжныхъ, онъ едва-ли имѣлъ возможность оцѣнить его главное, политическое «преимущество», какъ гарантіи общества отъ злокозненныхъ покушеній со стороны правительства. Посвятивъ всю жизнь служенію Россіи, ежеминутно болѣя душою о благоденствіи подданныхъ, императоръ едва-ли могъ думать объ ограниченіи своей благожелательной воли. Самыя процессуальныя достоинства суда присяжныхъ могли вызывать въ немъ справедливую критику. Конечно, весьма не трудно распахнуть двери храма Ѳемиды на площадь, и, выставляя подсудимаго предъ представителями этой послѣдней, предлагать вопросъ: «объ этомъ человѣкѣ извѣстны такіе и такіе факты,—виновенъ онъ или нѣтъ?» Но будутъ-ли достигаться такимъ пріемомъ цѣли правосудія? Слѣдуетъ-ли отнести дѣло суда къ компетенціи общества, а не государства? Не открывается ли въ такомъ случаѣ доступъ отраженію на судьбахъ правосудія частной и сословной розни, всегда присущей обществу? Судъ присяжныхъ, говорятъ, обнаруживаетъ въ каждомъ дѣлѣ свѣжую любознательность, въ противуположность утомленной притупленности вниманія коронныхъ судей; но гдѣ гарантіи того, что эта обывательская «любознательность» съумѣетъ разобраться въ психологической сложности многихъ житейскихъ драмъ? Рѣшенія присяжныхъ, говорятъ, не расходятся съ жизнью и варьируются сообразно жизненнымъ варьяці-

ямъ; но развѣ цѣль правосудія быть отраженіемъ житейскаго хаоса? Развѣ эта цѣль не заключается именно въ томъ, чтобы внѣдрять въ общежитіе опредѣленный и стройный образъ должнаго? Казенные судьи, говорятъ, имѣютъ свои предвзятыя, выработавшіяся въ теченіе судебной практики, теоріи,—но развѣ присяжные судьи не приносятъ съ собою своихъ «теорій», продуктовъ субъективнаго, сословнаго или партійнаго взгляда на вещи, субъективныхъ вкусовъ, а часто и недомыслій? Рядъ подобныхъ вопросовъ остается, по меньшей мѣрѣ, не рѣшеннымъ по нынѣ.

Точно такъ-же не могли не возникать сомнѣнія при мысли о рабскомъ перенесеніи формы западнаго гражданскаго процесса. «Нашъ судъ,—говорили обличители до-реформенныхъ временъ,—не судъ, а какая-то расправа». Но едва-ли можно изгонять изъ суда совершенно элементъ «расправы», если не ослѣпляться фикціей, будто гражданскій процессъ есть только «споръ о правѣ», а нормальная роль суда—простая посредническая разцѣнка доводовъ сторонъ. Едва-ли въ интересахъ правосудія обращеніе суда въ механизмъ, между формально-мертвенными колесами котораго ловкій правонарушитель проскользаетъ съ улыбкой презрѣнія къ обществу, къ закону и къ государству, неловкій-же гражданинъ безжалостно разрывается на части, съ полной объективностью, и безъ надежды на помощь человѣческаго, живаго участія. Обличители старыхъ порядковъ жаловались на вмѣ-

шательство въ дѣло юстиціи со стороны другихъ, чужихъ судебному вѣдомству, властей; но не представляетъ-ли противуположной бѣды положеніе вещей, при которомъ вѣсы слѣпой Ѳемиды склоняются подъ тяжестью формально-законныхъ доводовъ, изъ внутренняго существа которыхъ часто сквозитъ вопіющая неправда, причемъ никто не въ правѣ извлечь ее внаружу, съ цѣлью воздания ей должнаго? Весьма возмущало нѣкоторыхъ, что Третье отдѣленіе, «безъ жалобъ съ чьей-либо стороны и помимо суда» доискивалось иногда, какъ тотъ или другой человѣкъ пріобрѣлъ свое состояніе, и пр. «Всякое,—говорятъ эти возмущенные доктринеры,—даже незаконное владѣніе охраняется закономъ дотолѣ, доколѣ судомъ, по чьей-либо жалобѣ, не будетъ доказано противное»... Въ отвѣтъ на подобные афоризмы, необходимо замѣтить, что страстное стремленіе связать и опутать льва административнаго произвола, при неосторожности, можетъ привести къ другому, большему бѣдствію: оно можетъ распустить въ общежитіи стаю шакаловъ частныхъ беззаконій и насилій. Ожидать «чьихъ либо жалобъ» можно съ удобствомъ въ средѣ людей, сильныхъ упорнымъ чувствомъ законности, но не всегда цѣлесообразно ригористическое слѣдованіе началу «laissez faire» въ атмосферѣ вялыхъ темпераментовъ и апатичной терпимости.

Много было рѣчи о судебномъ взяточничествѣ старыхъ временъ. Разсказываютъ, что однажды да-

же министръ юстиціи, за рѣшеніе собственнаго дѣла, велѣлъ дать взятку въ 100 рублей. Генералъ-губернаторъ Безакъ, за засвидѣтельствованіе довѣренности, хотѣлъ дать три рубля надсмотрщику суда; когда же тотъ отказался и ушелъ, Безакъ велѣлъ догнать его и сунуть деньги ему за шиворотъ... Какими наивными кажутся, на современный взглядъ, эти формы проявленія зла, и какъ далеко отошли мы, относительно размѣровъ «процессуальныхъ расходовъ», въ нынѣшней системѣ адвокатскихъ «гонораровъ!» Быть можетъ, прозрѣвая бѣдствія, могущія произойти для общества, вслѣдствіе подавленія его игомъ «спеціалистовъ-повѣренныхъ», Николай Павловичъ всю жизнь не допускалъ и мысли объ установленіи этого «института». Въ разговорѣ съ Д. В. Голицынымъ, онъ сказалъ категорически: «Нѣтъ, князь, пока я буду царствовать, Россіи не нужны адвокаты, проживемъ безъ нихъ». Существовавшіе въ тѣ времена скромные «ходатаи» не смѣли развернуться и показать свою предосудительную удаль: Третье отдѣленіе зорко слѣдило за ними и рѣдкій изъ нихъ не побывалъ на объясненіи у Дубельта. Полагаемъ, что многіе изъ современныхъ обывателей, читая объ этомъ, воскликнутъ со вздохомъ: счастливое время!...

Односторонніе критики николаевской эпохи указываютъ на то, что лица, принимавшія такъ или иначе участіе въ дѣлѣ отправленія правосудія, не были «сдерживаемы процессуальными форма-

ми» и преслѣдовали зло «по своимъ понятіямъ». Но это колѣнопреклоненіе предъ «процессуальными формами» весьма наивно и не состоятельно, потому что накакія «формы» не поправятъ дѣла, если въ нихъ заключено дрянное содержаніе; никакія формальности не могутъ помѣшать проявленіямъ «своихъ понятій». Въ историческихъ журналахъ, обильныхъ фактами до-реформенныхъ нестроеній, есть и данныя, убѣждающія въ сказанномъ. Мы читаемъ здѣсь, что и учрежденія, вполнѣ казалось-бы обезличенныя формалистикой, доступны однако-же злоупотребленіямъ и самымъ кривымъ «своимъ понятіямъ». Мы читаемъ здѣсь весьма характеристичныя «воспоминанія» объ эпохѣ начала дѣйствія мировой юстиціи и о проявлявшихся у дѣятелей этой юстиціи стремленіяхъ передѣлать русскую жизнь на новый ладъ, демократизировать общество приниженіемъ дворянства, глумленіемъ надъ чинами и государственными заслугами, «травлей генераловъ» и т. д. Въ Русск. Архивѣ (1888 г., № 10) разсказанъ интересный «процессъ» генерала Самборскаго и мебельщика Лопатина. Генералъ заказалъ зеркало цѣльнаго стекла, но мебельщикъ доставилъ составное изъ кусковъ; когда-же генералъ отказался принять негодную вещь, Лопатинъ предъявилъ къ нему искъ. Произошло весьма знакомое современности зрѣлищѣ: правонарушеніе, съ циничнымъ презрѣніемъ къ органу правосудія, призвало его къ себѣ на помощь и сдѣлало его орудіемъ своихъ мошен-

ническихъ цѣлей. Началась судебная волокита, съ равенствомъ состязующихся, не помѣшавшимъ одной изъ сторонъ почувствовать горько неудобство быть русскимъ генераломъ. За то, что больной старикъ не успѣлъ вскочить при возгласѣ: «судъ идетъ», предсѣдатель мироваго съѣзда крикнулъ: «Г. приставъ, поднимите этого господина или выведите его вонъ». «Процессъ» окончился тѣмъ, что мебельщикъ оказался правъ, а генерала постановили предать суду за оскорбленіе судьи словами апеляціонной жалобы: «неправильно», «не справедливо», «незаконно». Въ описанномъ дѣлѣ, кажется, пришло на помощь «Quos ego!» шефа жандармовъ, но во всякомъ случаѣ, подобные факты, которыхъ будущая «Русская Старина» занесетъ на свои страницы великое множество, ясно говорятъ о томъ, что «процессуальная формалистика» не только не въ силахъ устранить дрянныя тенденціи, но часто можетъ служить имъ удобной маской для прикрытія отъ должной кары.

Всѣ приведенныя соображенія даютъ возможность постигнуть тѣ сомнѣнія, которыя могли препятствовать императору Николаю приняться съ легкимъ сердцемъ за копированіе иностранныхъ образцовъ. Но мы не отрицаемъ, конечно, недостатковъ до-реформенныхъ порядковъ. Въ нихъ были стороны, требовавшія немедленнаго исправленія. Каковы эти стороны и какія средства слѣдовало употребить противъ нихъ,—ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ, напр., въ замѣча-

ніяхъ Ѳ. Булгарина, писателя, имѣвшаго свои недостатки, но не лишеннаго зоркости и здраваго смысла. Вотъ что писалъ онъ Дубельту («Историч. Вѣстникъ», 1884 г., ст. г. Сухомлинова): «Въ Россіи существуетъ система сокрытія истины, отъ низшаго чиновника до высшаго сановника, и такимъ образомъ государь весьма мало знаетъ, что дѣлается. Если-бы я, напр., открылъ, что будочникъ былъ пьянъ и оскорбилъ проходившую женщину, то я бы пріобрѣлъ враговъ: 1) министра внутреннихъ дѣлъ, 2) военнаго генералъ-губернатора, 3) оберъ-полиціймейстера, 4) полиціймейстеровъ, 5) частнаго пристава, 6) квартальнаго надзирателя, 7) городоваго унтеръ-офицера и par dessus le marché—всѣхъ ихъ родныхъ, пріятелей, и т. д. Въ старину можно было броситься въ ноги царю, передъ краснымъ крыльцомъ, а теперь нѣтъ никакихъ средствъ довести истину до царя. Коммиссія прошеній—есть коммиссія отказовъ. Вы подадите жалобу на кого-либо,—и вашу жалобу отсылаютъ на разрѣшеніе въ то мѣсто, на которое вы жалуетесь, и къ тому самому лицу. Чиновники опредѣляются министрами и имъ служатъ, а не государю и отечеству. Государь и отечество для нихъ—отвлеченная идея, une idée transcendentale! Какая у насъ отвѣтственность должностныхъ лицъ? Ихъ отчеты! А кто ихъ провѣряетъ? Никто! Пишутъ, что угодно. На бумагѣ все блаженство, а въ существѣ горе. Милосердіе, правосудіе, благость царствующаго—безполезны.

Печать лишена возможности бороться со зломъ. Пронеслась вѣсть, что государю благоугодно заглядывать въ «Сѣверную Пчелу», и вотъ всѣ министры согласились между собою, чтобы въ «Пчелѣ» ничего не печатать безъ ихъ воли. Кажется, уже и безъ того довольно безмолвія въ Россіи, но надобно было заглушить и послѣдній голосъ. Мы хотимъ сказать: «воздвигнуты новыя конногвардейскія казармы»,—нельзя: посылайте къ гр. Клейнмихелю! «Пароходы ходятъ по Бѣлу-озеру» — нельзя: можетъ быть гр. Клейнмихель не хочетъ, чтобы это было извѣстно». И т. д.

Въ этомъ діагнозѣ болѣзни сквозитъ и указаніе соотвѣтственныхъ лекарствъ. Нужно было усиленіе энергіи контролирующихъ учрежденій, нужны были (необходимыя при всякой системѣ управленія) дисциплинарно и административно-судебныя мѣста, въ которыя могла бы направляться жалоба гражданина, обиженнаго должностнымъ беззаконіемъ или нерадѣніемъ. Нужна была, наконецъ, и главнымъ образомъ, возможность для печати выводить на чистую воду скрывающееся отъ взоровъ злоупотребленіе и обнажать отъ маскирующихъ покрововъ противузаконный произволъ. Необходимъ былъ сильный сквозной вихрь гласности, который бы очистилъ сгущенную и застоявшуюся атмосферу.

Къ сожалѣнію, въ разсматриваемое время находимъ иное отношеніе къ гласности. Печатное слово было въ тискахъ цензуры, суровыя свойства

которой такъ рельефно (но односторонне и пристрастно) описаны въ печатающихся записках Никитенко. Чтобы заявить скромное сѣтованіе на тотъ или иной должностной проступокъ приходилось прибѣгать къ хитрѣйшимъ изворотамъ, причемъ «обличеніе» получало значеніе не солиднаго преслѣдованія зла, а какой-то «оппозиціонной» выходки. Такъ, напр., лицо, желавшее поставить на видъ нечестность нѣсколькихъ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ, придумало напечатать въ газетѣ длинное и запутанное «объявленіе о дрессировкѣ собакъ для псовой охоты». Въ заключеніи этого объявленія читаемъ: «а какъ въ Мезелинскомъ уѣздѣ въ настоящее время показалось много прибыли волковъ съ бѣлыми лапами, похищавшихъ преимущественно достояніе государственныхъ крестьянъ, которые хотя и сами воютъ также волкомъ, но не могутъ еще въ точности опредѣлить число кочующихъ стай, а потому я и предлагаю мое знаніе и услуги и покорнѣйше прошу адресовать въ Оренбургскую губ. въ г. Мезелинскъ, гдѣ я имѣю мою корреспонденцію. Корнетъ Я. Атуевъ». Таковы прискорбныя уловки, вызывавшіяся цензурными условіями. Но спрашивается, ради чего защищалась такъ тщательно позорная дѣятельность «волковъ съ бѣлыми лапами?» Что охранялось въ лицѣ подобныхъ нарушителей служебнаго долга? Какую пользу можно было ожидать отъ сообщенія общежитію мертваго молчанія и безпросвѣтнаго мрака? Неужели нужно за-

ботливо заслонять отъ честной укоризны всякую ничтожную пьявку, которая присосалась къ общественному организму, или которая, забравшись въ глушь провинціи, раздражаетъ общество своею безтактностью и плодитъ напрасное, политически-нежелательное недовольство? Не возвышается-ли престижъ власти именно открытымъ характеромъ ея дѣятельности и благородною строгостью отношенія къ самой себѣ?

Игнорированіе важнаго значенія гласности, конечно, составляло существенный недостатокъ разсматриваемаго тридцатилѣтія. Но можно-ли поставить такой недостатокъ въ вину императору Николаю,—это другой вопросъ, требующій особаго обсужденія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Западники».

I.

Прежде всего необходимо сказать, что Николай Павловичъ, по складу своего характера, не принадлежалъ къ числу сторонниковъ тайны, мрака и скрытности. Никогда не таилъ онъ долго подозрѣній и никогда не дѣйствовалъ посредствомъ замаскированныхъ козней. Хитрость Мазарини, коварство Наполеоновъ, лукавство Меттерниха, были чужды сердцу нашего монарха, любившаго открытыя дороги и яркое солнце. Точно такъ же было бы крайне не вѣрно считать императора человѣкомъ, лишеннымъ способности понимать и цѣнить значеніе искусства, литературы и науки. Тысячи фактовъ свидѣтельствуютъ, напротивъ, о полномъ его почтеніи къ продуктамъ таланта и генія; во множествѣ случаевъ своей жизни онъ обнаружилъ искреннее уваженіе къ художникамъ, писателямъ и ученымъ. Придя однажды въ студію Брюлова и узнавъ, что тотъ запершись работаетъ,

государь не велѣлъ его тревожить, замѣтивъ скромно: «я зайду въ другой разъ». Такихъ мелкихъ, но характерныхъ фактовъ можно вспомнить длинный рядъ. Сколько сердечнаго уваженія къ искусству высказалось, напр., въ его ласково-шутливомъ привѣтствіи тринадцатилѣтняго Антона Рубинштейна: «А, здравствуйте, ваше превосходительство!» Или, какое глубокое сочувствіе къ отечественнымъ талантамъ сказалось въ его дружескомъ обращеніи къ Глинкѣ, при порученіи ему капеллы: «Глинка, я имѣю къ тебѣ просьбу и надѣюсь ты не откажешь мнѣ..» Нельзя не вспомнить также, съ какимъ уваженіемъ относился императоръ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, бывшей постоянно центромъ просвѣщенныхъ и выдающихся по уму и талантамъ людей въ государствѣ.

Проникая въ смыслъ подобныхъ фактовъ, мы ясно ощущаемъ разницу между нашимъ монархомъ и многими прославленными западными «покровителями наукъ и искусствъ». Фридрихъ Великій, какъ извѣстно, давалъ полный просторъ свободѣ печати, но онъ дѣйствовалъ такъ не изъ уваженія къ человѣческому слову, а изъ презрѣнія къ нему. Онъ вѣрилъ въ несокрушимую силу своей арміи и относился иронически къ врагамъ, вооруженнымъ перьями. «Мой народъ и я,— говорилъ онъ довольно цинично,—заключили сдѣлку: онъ можетъ говорить, что ему угодно, я могу дѣлать, что мнѣ нравится». Его обыкновенно счи-

таютъ другомъ людей науки и искусства, но Маколей, разбирая свойства этой дружбы и описывая униженія, испытанныя писателями и художниками при прусскомъ дворѣ, замѣчаетъ: «трудно указать другую причину, кромѣ отчаяннаго голода, которая могла бы принудить человѣка переносить роль товарища великаго короля».

Многіе изъ выдающихся нашихъ писателей свидѣтельствуютъ о совершенно иныхъ свойствахъ императора Николая. Кукольникъ разсказываетъ, напр., о прекрасномъ разборѣ одной изъ своихъ трагедій, который былъ сдѣланъ императоромъ. Гоголь, въ письмѣ къ М. С. Щепкину о «Ревизорѣ», утверждаетъ: «Если-бы не высокое заступничество государя, піэса моя не была-бы ни за что на сценѣ». Особенно интересны отношенія Николая Павловича къ Пушкину. Прозрѣвая въ поэтѣ блескъ національнаго генія, подъ внѣшней оболочкой безпокойныхъ проявленій бурной молодости, императоръ, тотчасъ по воцареніи, возвратилъ Пушкина изъ ссылки и призвалъ къ себѣ для обмѣна мыслей. «Пушкинъ,—разсказываетъ въ Запискахъ И. М. Смирновъ,—былъ введенъ прямо въ кабинетъ государя, дверь затворилась, и когда снова отворилась, Пушкинъ вышелъ со слезами на глазахъ, бодрымъ, веселымъ, счастливымъ». Николай Павловичъ объявилъ себя единственнымъ цензоромъ его сочиненій. И это заявленіе не оказалось простымъ обѣщаніемъ; произведенія нашего великаго поэта дѣйствительно разсматривались

государемъ, который разрѣшалъ ихъ къ печатанію, дѣлая нѣкоторыя цензурныя урѣзки. Часто Пушкинъ возражалъ на замѣчанія своего цензора, спорилъ съ нимъ, и императоръ иногда соглашался и пропускалъ спорное мѣсто сочиненія.

Почему-же монархъ, обладавшій такою любовію къ правдѣ, такимъ яснымъ пониманіемъ цѣны человѣческаго слова и мысли, обнаруживалъ наклонность къ стѣсненію печати? Причина лежала въ условіяхъ времени его царствованія. Въ одномъ письмѣ къ Бенкендорфу, по поводу «Бориса Годунова», Пушкинъ благодарилъ государя за цензурныя льготы, которыя тѣмъ замѣчательнѣе, что сдѣланы,—по словамъ, поэта,—«*въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ*, когда всякое другое правительство старалось-бы стѣснить и оковать книгопечатаніе». И въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ строго отнестись къ цензурнымъ мѣропріятіямъ императора Николая, нужно войти въ его положеніе и оглянуться на событія иностранной и внутренней жизни той эпохи.

Западно-европейскія государства находились въ лихорадочномъ возбужденіи. Толчекъ первой французской революціи не прошелъ безслѣдно. Европа выступила на путь уничтоженія старинныхъ политическихъ устоевъ и ломки вѣковаго режима. Пользуясь неизбѣжнымъ при этой ломкѣ замѣшательствомъ, различныя сословія и тысячи своекорыстныхъ интересовъ спѣшили захватить что можно для себя. Періоды внѣшней тишины постоян-

но смѣнялись моментами яркихъ взрывовъ непрерывавшагося внутренняго броженія. Не отводя внимательнаго взора съ западной границы, императоръ Николай видѣлъ возрастаніе смѣлости сословно-личныхъ притязаній, драпировавшихся знаменемъ «естественныхъ правъ человѣка»; онъ видѣлъ и увеличивавшуюся растерянность, безпомощность и уступчивость правительствъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ замѣчалъ, что путь уступокъ приводитъ лишь къ безднѣ анархіи. Передъ его глазами, въ Вѣнѣ, толпы самозванныхъ «представителей народа» усвоили себѣ привычку подступать къ дворцу «за правами», причемъ этихъ правъ постоянно оказывалось мало; группы малосмысленныхъ юношей не переставали придумывать и предъявлять все новыя «требованія народа», и по произволу, то вызывали своего государя аплодисментами, то свистали ему, точно актеру, поставленному имъ на потѣху...

Наблюдая подобныя явленія, императоръ Николай рѣшительно сталъ на защиту политическаго строя своей страны. Будучи монархомъ-рыцаремъ, онъ не могъ дозволить себѣ небрежнаго отношенія къ великому наслѣдію, которое перешло къ нему отъ предковъ и добыто долгимъ, тяжкимъ и совокупнымъ трудомъ русскихъ царей и русскаго народа. Мы не знаемъ, какъ слѣдуетъ оцѣнивать дѣйствія императора съ «объективной» точки зрѣнія, потому что мы считаемъ вообще разсужденія объ «объективно-идеальныхъ политическихъ фор-

махъ» лишь продуктомъ больной фантазіи. Но мы полагаемъ, что съ русской точки зрѣнія, устойчивость Николая Павловича на стражѣ отечественныхъ политическихъ традицій завоевала ему вѣчную благодарность въ русскихъ сердцахъ и незабвенно почетное мѣсто въ русской исторіи. И вотъ, употребляя всѣ усилія, чтобы оградить Россію отъ заразы западнаго броженія, онъ принужденъ былъ, вопреки природнымъ своимъ наклонностямъ, поставить суровыя цензурныя сдержки. «Пожаръ въ сосѣднемъ домѣ угрожаетъ моему», говорилъ императоръ,—и онъ былъ правъ, ибо во все теченіе его царствованія пламя западной смуты стремилось проникнуть къ намъ, находя удобную пищу, главнымъ образомъ, въ свойствахъ нѣкоторой части нашей интеллигенціи, съ ея «génie imitateur ou plagiaire», по выраженію Ламартина. При самомъ вступленіи на престолъ, Николай Павловичъ встрѣтилъ на своемъ пути мятежъ «декабристовъ».

Господствующее въ обществѣ по нынѣ представленіе о декабристахъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Обыкновенно ихъ изображаютъ страдальцами за великое дѣло, героями, которыхъ не поняло время и задавило насиліе. Вмѣсто отчетливаго описанія лицъ и ихъ дѣйствій, обыкновенно рисуютъ лишь таинственный туманъ, въ которомъ смутно очерчиваются величавыя фигуры «жертвъ деспотизма», въ желѣзныхъ оковахъ или въ суровой обстановкѣ сибирскихъ пейзажей. Правда, декабристы понесли суровую кару; однако-же,

бросивъ пальмовую вѣтвь на могилы людей, испившихъ чашу страданія, необходимо перейти на другую точку зрѣнія и взвѣсить ихъ дѣятельность, какъ историческое явленіе.

Декабристъ Матвѣй Муравьевъ, въ недавно напечатанныхъ Запискахъ, говоритъ о своихъ единомышленникахъ: «Sacrifier tous, même sa vie, pour l'amour de la patrie était l'impulsion du coeur. Il n'y avaitpas d'égoismedans nos sentiments. J'en appelle Dieu en temoin!» Къ сожалѣнію, принять такое беззавѣтное безкорыстіе общею чертою героевъ движенія не представляется возможнымъ. Изъ толпы дѣятелей мятежа приходится выдѣлить не мало честолюбцевъ и неудачниковъ, которые всегда съ особенною охотою устремляются подъ знамя бунта и разрушенія. Можно-ли подвести диоъ формулу М. Муравьева личности, въ родѣ Якубовича, баши-бузука, вѣрившаго только въ дерзость и насиліе; или въ родѣ Батенкова, который ринулся въ мятежъ, отмщая свои неудовольствія по службѣ? Къ этому-же разряду должно отнести и наивныхъ «геростратовъ», мечтавшихъ о томъ, что «о нихъ будетъ страничка въ исторіи», но не думавшихъ о свойствахъ этой странички. Затѣмъ, вполнѣ умѣстно въ данномъ отношеніи упомянуть объ одномъ изъ главныхъ дѣятелей возмущенія, о полковникѣ Пестелѣ. Сами товарищи считали его хитрымъ честолюбцемъ, «способнымъ къ роли Бонапарта, но не Вашингтона». И дѣйствительно, это былъ человѣкъ, напоминавшій ду-

ховнымъ складомъ Катиллину. Безъ всякаго добродѣтельнаго самообмана, безъ всякихъ возвышенныхъ иллюзій, онъ строилъ воздушный замокъ своего предпріятія на почвѣ узкаго эгоизма. Онъ жаждалъ республики, какъ смуты, изъ которой надѣялся выйти побѣдителемъ. Многіе изъ участниковъ бунта стыдились быть его единомышленниками, но, по справедливому замѣчанію Ламартина, такова уже участь людей, составляющихъ темные комплоты: самыя потемки эти заставляютъ ихъ мириться съ компаніей дрянныхъ проходимцевъ. Планъ Пестеля заключался въ провозглашеніи республики съ диктатурой на десять лѣтъ. Кому-же назначалось мѣсто диктатора? Пестель предоставлялъ мятежникамъ назвать имя, питая увѣренность, что это имя будетъ его. Ему мерещилось захватывающее духъ видѣніе:—корона царей на головѣ республиканскаго вождя...

Но, оставляя въ сторонѣ завѣдомо предосудительныхъ дѣятелей «движенія», обратимся къ «искреннимъ» декабристамъ. Тщетно искали-бы мы среди нихъ основательныхъ и зрѣлыхъ политическихъ мыслителей, подготовленныхъ солидными знаніями свойствъ страны и народа. Увы, вмѣсто людей, строго и критически обдумавшихъ цѣли и послѣдствія своего предпріятія, мы видимъ дѣтски-безпомощныя личности, лишенныя знанія политической азбуки, лишенныя всякаго политическаго смысла и такта, руководимыя лишь смутнымъ призракомъ идеальнаго общественнаго благополу-

чія,—призракомъ, въ которомъ западныя идеи расплывались въ безпочвенномъ подъемѣ неопредѣленныхъ чувствъ. Въ самомъ дѣлѣ, что находимъ мы, напр., въ курьезномъ предводителѣ петербургскаго возстанія, князѣ Трубецкомъ, кромѣ разстроеннаго воображенія, безразсуднаго ума и слабаго сердца? Точно такъ же въ другомъ декабристѣ, князѣ Оболенскомъ, нельзя не замѣтить крайней легкости ума, который, по причинѣ свой легкости, способенъ былъ захватываться всякимъ мимонесущимся вихремъ. О князѣ Одоевскомъ хорошо знавшій его современникъ пишетъ: «это былъ молодой человѣкъ, любившій ученіе безъ разбору всякаго рода,—философію, литературу, медицину и генералъ-басъ». Относительно А. Бестужева лучшее свидѣтельство представляютъ его ходульно-экстравагантныя беллетристическія произведенія, подъ псевдонимомъ Марлинскаго. Прекраснымъ образчикомъ невѣроятной наивности и невѣжества въ области государственнаго знанія можетъ служить восторгъ, съ какимъ офицеръ Поджіо слушалъ разсужденія Пестеля, «излагавшаго, начиная отъ Нимврода, свои политическіе взгляды»: «Должно признаться, восклицалъ Поджіо, что всѣ жившіе до насъ ничего не разумѣли въ государственной наукѣ!..»

А. П. Бѣляевъ даетъ хорошую характеристику самого себя въ описаніи своихъ дѣйствій въ рѣшительный моментъ 14-го декабря. «Въ моей безумной рѣшимости, говоритъ онъ, была какая-то

роковая сила, которая влекла меня въ пучину. Передъ тѣмъ, какъ выходить къ батальону, я бросился на колѣни предъ образомъ Спасителя, вспомнилъ свою нѣжно любимую мать, сестеръ, которымъ единственною опорою были мы съ братомъ. Тяжелъ былъ мнѣ этотъ подвигъ, но долгъ, какъ я разумѣлъ его тогда, принести въ жертву обществу самое счастье матери и семейства, наконецъ побѣдилъ!» Такимъ образомъ, самоанализъ мятежниковъ находитъ въ ихъ душѣ лишь «безумную рѣшимость» и рабское слѣдованіе какой-то неопредѣленной «роковой силѣ»... Историки, испытанные въ дѣлѣ уклоненія отъ истины, хотѣли-бы причислить къ разряду этихъ дѣятелей и Пушкина. Но русскому національному поэту не было мѣста въ этой средѣ. Широкая впечатлительность генія не могла вмѣститься въ узкія рамки слѣпаго фанатизма. Пушкинъ обладалъ способностью всесторонней оцѣнки явленій, о чемъ свидѣтельствуетъ, напр., сохранившійся въ рукописяхъ его «разговоръ съ англичаниномъ». На вопросъ Пушкина: «что можетъ быть несчастнѣе русскаго крестьянина?» собесѣдникъ отвѣчалъ: «Англійскій крестьянинъ. Прочтите жалобы нашихъ фабричныхъ рабочихъ—волоса станутъ дыбомъ; вы подумаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ мистера Шмидта или объ иголкахъ г-на Томсона. Какое холодное варварство съ одной сто-

роны и какая страшная бѣдность съ другой!.... Есть-ли рабское униженіе въ поступи или рѣчи вашего крестьянина? Вы не были въ Англіи? То-то! Вы не видѣли значитъ оттѣнковъ подлости, отличающей у насъ одинъ классъ отъ другаго, вы не видѣли раболѣпія masters нижней палаты передъ верхней, джентльмена передъ аристократомъ, купечества передъ дворянствомъ, бѣднаго передъ богатымъ...».

Типичнѣйшей фигурой между декабристами является глава ихъ, К. Рылѣевъ. Вчитываясь самымъ добросовѣстнымъ образомъ въ его произведенія, мы приходимъ лишь къ признанію справедливости ихъ оцѣнки, сдѣланной Пушкинымъ: «стихотворенія Рылѣева всѣ на одинъ покрой, они состоятъ изъ общихъ мѣстъ; національнаго русскаго въ нихъ нѣтъ ничего, исключая именъ». Читая и перечитывая «думы»,—рядъ историческихъ картинъ безъ всякаго колорита,—мы встрѣчаемъ лишь общія выраженія: «вражда къ неправдѣ», «къ пороку», «добро», «честь», и пр. Но напрасно было-бы искать здѣсь отчетливаго изображенія какого-либо твердаго нравственнаго идеала. «Я не поэтъ, я гражданинъ»,—писалъ Рылѣевъ, но мы не находимъ у него и сколько-нибудь ясныхъ политическихъ воззрѣній. Такъ, въ Одѣ на день тезоименитства вел. кн. Александра Николаевича встрѣчаемъ предвѣщаніе о «вѣкахъ бореній бурныхъ неправды съ правдою святою»; затѣмъ идутъ указанія на Западъ: «смотри—въ вол-

ненія народы, смотри—въ движеніи сонмъ царей», но безъ малѣйшихъ объясненій смысла этихъ западныхъ движеній; далѣе излагаются совѣты: «люби народъ, чти власть закона, люби гласъ истины свободной» и прочія, чисто формальныя фразы, безъ всякаго конкретнаго содержанія. На фонѣ прозаической поэзіи и поэтически-туманной прозы Рылѣева, постоянно очерчивался, съ утомительно-монотоннымъ однообразіемъ, унылый образъ какого-то страдальца за правду, заносимаго заживо, среди благородно-пустынныхъ монологовъ, снѣжными сугробами, или рвущагося на смерть «за дѣло свободы».

Личность Рылѣева довольно рельефно выступаетъ въ его юношескомъ письмѣ, въ которомъ онъ, готовясь вступить въ жизнь, писалъ отцу о двухъ, предлежащихъ на выборъ дорогахъ: во-первыхъ, о пути все-критикующаго разума, и во-вторыхъ, о пути сердца, который казался ему какою-то безформенною смѣсью изъ воздушныхъ иллюзій сантиментализма и слѣпыхъ порывовъ оптимизма. Рылѣевъ рѣшился выбрать послѣдній путь, и эта готовность его горѣть чувствами, отрѣшенными отъ условій времени и мѣста, свободными отъ критики разума, объясняетъ намъ его дальнѣйшую судьбу. Упомянутая готовность «пламенѣть» сначала (въ 12-мъ году) совпала случайно съ національнымъ стремленіемъ «стать на защиту отечества, царя и алтарей земли нашей»; но затѣмъ, послѣ заграничныхъ походовъ, способность къ без-

предметному вспыхиванію зажглась о западный пожаръ, и началось это «внѣшнее горѣніе», безсильное согрѣть глубину сердца, оторванное отъ національныхъ задачъ и преисполненное боготворенія чужихъ кумировъ. Только означенная психическая черта въ состояніи объяснить намъ, какимъ образомъ человѣкъ, нося въ себѣ планы громадныхъ отечественныхъ переворотовъ, могъ жаловаться въ письмахъ на «скуку и пустоту своей души»; какимъ образомъ человѣкъ могъ броситься въ смертельно опасную авантюру, вести за собою сотни людей на гибель, оставить жену и ребенка въ долгахъ и въ крайне запутанныхъ обстоятельствахъ, — и все это для того, чтобы тотчасъ-же послѣ неудачи написать государю: «отрекаюсь отъ моихъ заблужденій и политическихъ правилъ чистосердечно и торжественно».

II.

Нѣкоторые истолкователи событія пытались поставить мятежъ декабристовъ въ связь съ подъемомъ народнаго духа 12-го года, но съ такимъ объясненіемъ нельзя согласиться. Если бы декабристы были дѣйствительно проникнуты національными стремленіями и чувствами, они-бы посвятили свою жизнь солидному служенію своей странѣ, посильной и честной борьбѣ съ несовер-

шенствами общественно-политической жизни своего отечества. Но они вмѣсто этого, побывавъ заграницей и поразившись превратно понятымъ ходомъ европейскихъ дѣлъ, исполнились презрѣнія къ Россіи. Въ отвѣтъ на всѣ запросы русскаго общежитія, они лепетали заученную формулу: «свобода, равенство и братство», не постигая въ своей печальной близорукости, что подъ этими девизами въ Европѣ лишь «братъ возставалъ на брата», низшее сословіе интриговало противъ высшаго и буржуазія воздвигала новый идолъ золотаго тельца. Декабристы, крестные отцы нашего западничества текущаго столѣтія, отвращались отъ всего отечественнаго и становились въ смѣшную позу умиленія передъ внѣшними, показными декораціями западной жизни. Своею наивностью они вызывали презрительную иронію у самихъ иностранцевъ, которые съ удивленіемъ замѣчали, что «ихъ возмущеніе, qui présentait l'étonnant spectacle de la féodalité complotant contre elle-même, et cherchant par une victoire dont le lendemain eûtété si difficile pour tous, à renverser au nom de l'égalité sa fortune et son pouvoir héréditaire, c'était la conception la plus insensée que des ésprits enthousiastes, mais peu éclairés sur les véritables tendances du temps et du pays, eussent pu enfanter dans les réveries égoistes d'une personnalité trop évidemment ambitieuse».

Нѣтъ, мятежъ декабристовъ нельзя соединять съ народнымъ подвигомъ войны 12-го года. Народъ

отстаивалъ родину, декабристы-же мечтали лишь о греческомъ, римскомъ, французскомъ или американскомъ республиканизмѣ, спорили между собою изъ-за роли «Брута, поражающаго деспотизмъ», и восхваляли крайности «всевозможныхъ, насильственныхъ, янычарскихъ переворотовъ (по выраженію Бѣляева)». Они уподобляли себя пуританамъ Кромвеля, точно лагерь знаменитаго протектора состоялъ изъ ренегатовъ, стремившихся изгнать изъ тѣла Англіи англійскую душу. Что можетъ быть печальнѣе зрѣлища тайныхъ собраній нашихъ революціонеровъ, какъ они изображены, напр., въ «Запискахъ неизвѣстнаго» (Р. Арх. 1882 г.). Здѣсь бушевала разнузданая фантазія и несся потокъ неукротимыхъ, бурныхъ страстей; торжественныя, страшныя клятвы смѣшивались съ криками о республикѣ, конституціи и насиліи. Икона переходила изъ рукъ въ руки, всѣ съ жаромъ цѣловали ее, обнимали другъ друга съ горящими на глазахъ слезами, радовались какъ дѣти, и въ изступленіи почитали смерть верховнымъ благомъ, искали и требовали ее... Могло-ли возникнуть что-либо солидное изъ этихъ оргій, достойныхъ Бедлама? Удивительно-ли, что сочиненныя въ угарѣ «конституціи» замѣчательны лишь тѣмъ, что изъ хлама ихъ дѣтскихъ разсужденій выдвигалась возмутительная дерзость, не полагавшая себѣ никакихъ предѣловъ и желавшая faire main basse sur tous? Напрасно раздавались иногда слабыя сомнѣнія о томъ, что едва-ли справед-

ливо и благоразумно, отнявъ у Россіи весь пріобрѣтенный, выработанный ею политическій складъ, дать ей въ правители государства двадцатилѣтнихъ прапорщиковъ. Злобный гомонъ заговорщиковъ тотчасъ-же заглушалъ отрезвляющій голосъ.

А между тѣмъ народъ, представителями котораго называли себя декабристы, считалъ добродушно конституцію супругою Константина Павловича; въ отвѣтъ-же на проповѣдь офицеровъ о республикѣ, онъ говорилъ съ недоумѣніемъ: «хорошо, мы готовы, если вамъ угодно, кричать «да-здравствуетъ республика», но только кто-же будетъ императоромъ?» Послѣ окончанія мятежа, провожая презрительно-жалостливымъ взоромъ кибитки, развозившія декабристовъ, народъ называлъ послѣднихъ «цариками». Маленькіе, спѣсивые, но комическіе царики! Эту народную кличку слѣдуетъ твердо помнить нашимъ западникамъ.

Какъ бы ни были ослѣплены декабристы, но все-же они не могли не чувствовать, что составляютъ, относительно населенія Россіи, отрѣзанный ломоть. С. Муравьевъ, напр., по словамъ автора «Записокъ неизвѣстнаго», полагалъ не только безполезнымъ, но даже опаснымъ открывать солдатамъ что-либо о цѣляхъ заговорщиковъ, такъ какъ республиканское правленіе, равенство сословій и избраніе чиновниковъ будутъ для нихъ загадкою сфинкса. Но тутъ, казалось бы, выступало непреодолимое затрудненіе: если не открывать цѣлей, то какъ-же дѣйствовать? Наши политики не

затруднялись отвѣтомъ: новый режимъ въ странѣ можно ввести обманомъ!... Тотъ-же С. Муравьевъ объяснялъ эту геніальную идею слѣдующимъ образомъ: «Народъ нашъ добръ, онъ никогда не разсуждаетъ, а потому онъ долженъ быть орудіемъ для достиженія цѣли. Нужно воздѣйствовать на его религіозность: нѣкоторыя главы Библіи содержатъ прямыя запрещенія отъ Бога избирать царей и повиноваться имъ; если русскій солдатъ узнаетъ сіе повелѣніе Божіе, то не колеблясь ни мало согласится поднять оружіе противъ своего государя». Къ этому революціонному средству, скованному изъ лжи и подлости, судьба послала декабристамъ другое, столь-же «воровское»: внезапная смерть Александра I-го, присяга Константину Павловичу, и вскорѣ за тѣмъ, по отреченіи Цесаревича, присяга императору Николаю, навели мятежниковъ на мысль обмануть народъ и, поднимая знамя бунта, объяснить свое движеніе вѣрностью присягѣ старшему въ царскомъ родѣ. Такъ рѣшили дѣйствовать люди, которые постоянно говорили что-то о добрѣ и чести...

У императора Николая достало, конечно, силы противупоставить крѣпкій оплотъ и отбросить мутную волну возстанія. Но «пожаръ» іюльскихъ, февральскихъ и иныхъ европейскихъ «дней» продолжалъ горѣть. На встрѣчу ему продолжали устремляться легковѣсныя вожделѣнія нашего западничества: сорная трава вообще живуча. Чаадаевы продолжали, съ болѣзненной раздражительностью,

утверждать на всѣ лады, что исторія Россіи— безцвѣтная, темная пустыня, что «въ началѣ ея дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое владычество завоевателей», что «всѣ наши серьезныя идеи, всѣ благотворнѣйшія знанія, всѣ живѣйшія наслажденія извлечены изъ Европы», и что «величайшій изъ нашихъ царей смелъ своимъ могущественнымъ дуновеніемъ всѣ наши учрежденія, вырылъ пропасть между нашимъ прошедшимъ и нашимъ настоящимъ, и бросилъ въ нее кучей всѣ наши преданія». Слѣдя за текущей жизнью, эти «европейцы» указывали ея недостатки, не съ болью любящаго сердца, а съ какимъ-то шумнымъ ликованіемъ, видя въ язвахъ и несовершенствахъ отечества только оправданіе (мнимое) ихъ наивныхъ теорій о безпорочности Запада. Вмѣсто честнаго, посильнаго содѣйствія улучшенію родной жизни, они трепетали лишь готовностью ежеминутно кликнуть кличъ мятежа, разрушенія существующаго и рабскаго подражанія Европѣ. Ихъ аргументы дышали злорадствомъ, ихъ рѣчь кривилась злобной конвульсіей. Въ груди ихъ билось сердце сѣятелей смуты и разжигателей недовольства. Духъ Бедлама декабристскихъ сборищъ продолжалъ незримо носиться надъ ними. Конечно, нелѣпо думать, будто роль честнаго гражданина состоитъ въ тупомъ презрѣніи къ наукѣ, въ пассивномъ равнодушіи къ злу, въ пошлой лести и въ idiотической обязанности не имѣть ни о чемъ своего сужденія. Но столь-же

нелѣпо полагать, что эта роль заключается въ вѣчной предвзятости «отрицательнаго отношенія», въ постоянномъ фрондерствѣ, въ неоскудѣвающей готовности встрѣчать и провожать злобнымъ лаемъ каждую мѣру правительства.

Западники, исполненные ненависти, слѣдили за попытками русской мысли разобраться въ своемъ историческомъ прошломъ и укрѣпиться въ національныхъ основахъ. Они ловили эти попытки на идеализаціи родной старины, какъ на преступленіи, и издѣвались надъ слабостью освѣщенія «національнаго русскаго духа», не понимая въ своемъ невѣжествѣ, что это освѣщеніе требуетъ долгой работы, и что, напр., для уясненія духа германской юридико-политической жизни среднихъ вѣковъ понадобились усилія теоретической мысли четырехъ или пяти столѣтій.

Съ неизмѣннымъ единодушіемъ попирали наши западники презрѣніемъ всякую мысль о подъемѣ нравственнаго уровня общества очищающею силою религіи. «Единственное спасеніе въ образованіи и въ наукѣ», кричали они, повторяя древне-классическое отождествленіе морали и знанія. Но они не понимали, что древность имѣла нѣкоторое основаніе для такого отождествленія, ибо знаніе Сократа и Платона означало «мудрость», постиженіе сущности вещей, сопричастность человѣка міру идей и божественному разуму, общеніе съ вѣчной красотой и конечнымъ благомъ. Но можетъ ли имѣть непосредственное вліяніе на нрав-

ственное просвѣщеніе наука въ нынѣшнемъ, точномъ смыслѣ, какъ знаніе законовъ сосуществованія и преемственности явленій? Не представляетъ-ли она собою лишь орудіе, необходимое человѣку на каждомъ шагу, но удобное для всякаго въ моральномъ смыслѣ примѣненія?

Постоянно толкуя о просвѣщеніи и о европейской наукѣ, наше западничество, на самомъ дѣлѣ, было проникнуто лишь европейскими тенденціями. Оно компрометтировало науку, потому что подъ ея флагомъ провозило дрянную контрабанду. Неужели ученіе Фурье или Сенъ-Симона—наука? Неужели согласно съ наукою провозглашеніе режима, руководимаго Гизо, или конституціи, сочиненной Ламартиномъ,—единственно должнымъ политическимъ строемъ? Россія, послѣ долгаго труда собиранія власти, имѣла право перевести духъ, но «царики», завидуя европейскимъ «катастрофамъ», хлопотали о томъ, чтобы снова совлечь государственную силу въ прахъ общественныхъ и личныхъ эгоизмовъ. Своею политическою безтактностью и легкомысліемъ они мѣшали усовершенствованію порядковъ въ странѣ. Едва задумывался русскій гражданинъ надъ какимъ-либо нравственнымъ вопросомъ, или надъ устроеніемъ того или другаго житейскаго отношенія,—тотчасъ-же западническая шарманка начинала свою арію европейскихъ шаблоновъ, гдѣ даны напередъ рѣшенія всѣхъ задачъ, гдѣ эти рѣшенія стоятъ въ «логической» связи между собою, и идутъ прямоли-

нейнымъ шагомъ мертвой доктрины вплоть до президента Соединенныхъ Штатовъ. Удивительно-ли, что гражданинъ, не имѣющій никакихъ симпатій къ американскому или французскому президенту, принужденъ былъ отлагать интересующій вопросъ до болѣе удобнаго времени? Стоило Гоголю вскрыть дружескою рукою недостатки русскаго общежитія, какъ тотчасъ-же сотни радикальныхъ пигмеевъ обхватили его сатиру, повлекли въ свою сторону и пропитали своимъ ядомъ; удивительно-ли, что Гоголь дошелъ почти до отвращенія къ собственнымъ произведеніямъ? И такъ во всемъ.

Отмѣна крѣпостнаго права, напр., составляла главнѣйшую очередную заботу правительства, дни этого права были сочтены, но западники съумѣли и здѣсь связать это чисто-домашнее дѣло съ Европою, втиснули его въ рядъ своихъ утопическихъ вожделѣній, подняли ожесточенный гомонъ, занялись культивированіемъ вражды между сословіями, и такимъ образомъ рѣшенный въ принципѣ вопросъ сдѣлали весьма щекотливымъ и сложнымъ.

. . . .

Въ силу приведенныхъ фактовъ, едва-ли можно удивляться пригнетенію гласности и суровости цензуры въ разсматриваемое время. Свойства нашего западничества обусловили безгласіе николаевскаго царствованія, какъ они-же сдѣлали все возможное и въ исполненную движенія эпоху покойнаго императора Александра II-го. Западники —истинный крестъ Россіи, которая осуждена судь-

бою влачить на себѣ это племя, порожденное союзомъ старо-казацкой «вольницы» съ «петиметрами» восемнадцатаго вѣка. То, что Россія идетъ не сгибаясь подъ этимъ безпокойнымъ бременемъ, свидѣтельствуетъ о богатомъ запасѣ ея національныхъ силъ. Трудно сказать, каковы бы были шаги развитія Англіи или Германіи, если-бы имъ пришлось носить въ своемъ сердцѣ подобнаго коршуна.

III.

Условія внѣшней и внутренней жизни, вызвавшія строгость цензуры, привели и къ суровому учебному режиму тѣхъ временъ.

Было-бы крайне противно истинѣ считать императора Николая жесткимъ человѣкомъ, относившимся равнодушно или даже враждебно къ молодежи. Всѣ біографическія данныя единогласно свидѣтельствуютъ, напротивъ, что императоръ былъ истиннымъ другомъ ея. Перечитывая десятки «воспоминаній дѣтства» людей разсматриваемой эпохи, мы постоянно имѣемъ возможность любоваться царской лаской и отеческой любовью государя, неустанно согрѣвавшею юныя сердца подроставшихъ поколѣній. Сколько высокой идилліи, напр., въ отношеніи Николая Павловича къ кадетамъ, которыхъ часто привозили къ нему въ Александрію! Дѣти свободно рѣзвились здѣсь передъ монархомъ, лазили на мачту, прыгали на сѣткѣ; нерѣдко императоръ самъ принималъ участіе въ ихъ играхъ.

Какъ-то разъ,—описываетъ одинъ очевидецъ,—государь вспрыгнулъ на сѣтку и сказалъ кадетамъ: «повали меня!» Когда-же тѣ исполнили его приказаніе, онъ крикнулъ шутя: «какъ вы смѣли повалить императора!» Кадеты бросились въ разсыпную, провожаемые добродушнымъ смѣхомъ государя... Было-бы нелѣпостью отыскивать въ Николаѣ Павловичѣ черты какого-либо обскурантизма, презрѣнія къ образованію или невѣжественнаго игнорированія цѣнности науки. Стоитъ вспомнить годы возникновенія множества изъ существующихъ учебныхъ заведеній, чтобы убѣдиться въ томъ, что эти образовательныя учрежденія обязаны своимъ началомъ Николаю Павловичу. Императоръ зорко слѣдилъ за ихъ судьбою и посѣщалъ ихъ охотно и часто. При выпускѣ воспитанниковъ, онъ давалъ имъ благія, сердечныя напутствія. «Прощайте,—говорилъ онъ,—служите честно, почитайте вашихъ родителей и не заставьте меня краснѣть передъ ними за ваше воспитаніе».

Но указанныя выше причины, напоръ революціонныхъ идей, въ связи съ печальнымъ неравнодушіемъ къ нимъ нашихъ западниковъ, заставляли спеціально препарировать учебныя программы и подтягивать поводья дисциплины. На сколько чувствовалась необходимость въ этомъ, можно судить, напр., по одному письму наслѣдника, заявившаго позднѣе во-очію свое природное свободолюбіе. При назначеніи В. И. Назимова попечителемъ московскаго учебнаго округа (1849 г.), Але-

ксандръ Николаевичъ писалъ ему: «Мѣсто, которое вы будете занимать, весьма важно въ особенности въ наше время, когда молодежь воображаетъ, что она умнѣе всѣхъ и что все должно дѣлаться какъ ей хочется, чему къ несчастью мы видимъ столько примѣровъ за границей; къ этому и гг. профессора—команда не легкая». Эти замѣчанія о свойствахъ нѣкоторой части молодежи едва-ли можно считать ошибочными. Дальнѣйшее теченіе времени принесло имъ грустное оправданіе. Чадъ душнаго угара наполнилъ временно наши учебныя заведенія, производя въ учащихся болѣзненное головокруженіе и отравляя фальшивой тенденціей юныя души. Кому измѣняетъ собственная память, тотъ можетъ прочитать объ этомъ хотя-бы въ «Воспоминаніяхъ стараго студента» (Р. Стар. 1888 г.). Здѣсь изображено подробно, какъ молодежь (конца 50-хъ и 60-хъ годовъ), собираясь въ одну комнату по 20—25 человѣкъ, «читала и декламировала такія вещи, о которыхъ въ другое время было-бы страшно и подумать», какъ она чествовала здѣсь стараго декабриста, называя его «мученикомъ», умиляясь его страданіями и посылая проклятія «тупой силѣ злобы».

Не отрицая строгости учебнаго режима николаевскаго времени, необходимо сказать однако-же, что строгость вообще можетъ имѣть различныя свойства. Одна строгость можетъ выражаться въ молніеносномъ взорѣ императора, въ педантической требовательности великаго князя Михаила

Павловича, касательно исполненія обязанностей, въ зычномъ окликѣ графа Клейнмихеля, усмотрѣвшаго отступленіе отъ буквы установленнаго порядка. Эта строгость—живая, личная, за которой свѣтится человѣческое сердце; она способна индивидуализировать свое отношеніе, способна гнѣвъ смѣнять на милость; она проносится грозовою тучею, за которой снова разсыпаются и брызжутъ лучи солнца. Но возможна строгость гораздо болѣе страшная, строгость западно-іезуитская, безличная, механическая, облеченная въ формалистику, подъ защитой которой можетъ изувѣрствовать самый ничтожный «педагогъ», самаго сомнительнаго свойства. Эта строгость ни на кого не гнѣвается, ни о комъ не тревожится, но пронимаетъ жертву мертвой отмѣткой и хладнокровно оперируетъ, «согласно соотвѣтственному пункту правилъ»... Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ въ литературѣ историческихъ мемуаровъ множество свидѣтельствъ благодарности школѣ, со стороны питомцевъ строгости перваго рода. Такъ, въ недавно напечатанныхъ запискахъ «бывшаго пажа» («Наблюдатель» 1889 г., 10) читаемъ: «Вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность утверждать, что воспитанники выносили изъ училища твердыя и непоколебимыя понятія о чести и справедливости, привычку къ строгому и серьезному исполненію обязанностей и безкорыстную любовь къ отечеству».

Быть можетъ не будетъ ошибкой сказать, что и общая (не въ одномъ учебномъ отношеніи) «под-

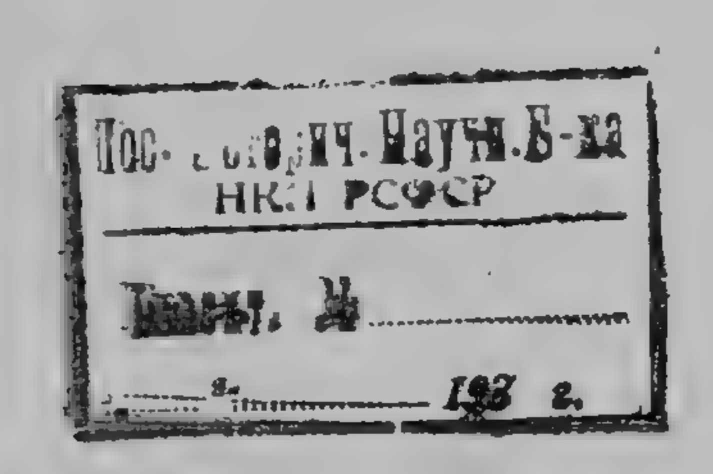
тянутость» николаевскаго времени, сослужила полезную службу. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что строго-отчетливый строй жизни вырабатываетъ «отчетливыхъ» людей; «подтянутая» дисциплина характеровъ и мыслей воспитываетъ «подтянутаго человѣка», который берется за всякое дѣло основательно, стремится исполнить его пунктуально, къ себѣ относится строго, а на жизненныя профессіи не смотритъ, какъ на открытое поле, доступное всякой мимобредущей твари. Словомъ, этотъ человѣкъ составляетъ полную противуположность «развинченному» существу, порождаемому атмосферой вседозволительности, въ которой запрещеніе недолжнаго какъ-бы само стыдится себя, а справедливая кара дѣйствуетъ украдкой. Недисциплинированная воля такого существа функціонируетъ вяло, она соединяетъ въ себѣ удивительную смѣсь равнодушія и жадности, она ни въ чемъ не ощущаетъ счастья и отъ всего несчастна. «Развинченный» человѣкъ любитъ «послѣднія» слова науки, лѣнясь усвоить себѣ первыя; обладая проблескомъ таланта, онъ считаетъ свой первый, неряшливый набросокъ шедевромъ; въ общественно-политической жизни онъ готовъ помечтать о парламентской трибунѣ, но не въ силахъ преодолѣть апатію, чтобы добросовѣстно исполнять свои ближайшія обязанности.

Вспоминая о старыхъ столпахъ литературы, вокругъ которыхъ понынѣ не видно молодыхъ побѣговъ, вспоминая о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гого-

лѣ, Достоевскомъ, Гончаровѣ, графѣ Л. Н. Толстомъ, вспоминая о почтенныхъ дѣятеляхъ на другихъ поприщахъ,—не вполнѣ-ли справедливо воздать должное уваженіе времени, когда выковывались и крѣпли основы этихъ высокихъ талантовъ и благородныхъ характеровъ? Не вполнѣ-ли справедливо, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратиться съ горячей благодарностью и къ державному руководителю той эпохи?

Оканчивая очеркъ, мы можемъ предвидѣть замѣчаніе, что въ нашемъ изложеніи преимущественно собраны хорошія черты разсматриваемаго тридцатилѣтія, и что потому это изложеніе обнаруживаетъ наклонность перейти въ панегирическій тонъ. Но мы не можемъ согласиться съ такимъ возраженіемъ. Мы не дѣлали подбора одностороннихъ фактовъ, мы стремились собрать лишь *главныя*, характеристическія черты центральной личности эпохи. Мы хотѣли только избѣжать ошибки того живописца, который желалъ какъ можно точнѣе воспроизвести на портретѣ всѣ свойства Байрона, не исключая его хромоты, и написалъ картину, въ которой всѣ видѣли хромаго юношу и никто не замѣчалъ великаго поэта. Мы не выступали на путь придирчиваго исканія и уловленія слабостей въ характерѣ Николая Павловича, предоставляя это людямъ, способнымъ оставаться глухими къ словамъ завѣщанія императора: «Я

былъ человѣкъ со всѣми недостатками, которымъ подвержены люди. Я старался исправиться въ томъ, что зналъ за собою дурнаго; въ одномъ я успѣлъ, въ другомъ нѣтъ. Отъ всего сердца прошу меня простить».



Соч. того-же автора.

Спиноза и его ученіе о правѣ. 1877 г.

Исторія идеи естественнаго права. Часть первая. Естественное право у грековъ и римлянъ. 1881 г.

Исторія идеи естественнаго права. Часть вторая. Средніе вѣка. 1885 г.

Іеремія Бентамъ, его отношеніе къ ученію о естественномъ правѣ. 1886 г.

Вопросы современной морали 1888 г.

Чувство законности и мировая юстиція. 1888 г.



